

АНАТОЛИЙ РОМОВ
•
ХОКУМАН-ОТЕЛЬ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Ромов
Хокуман-отель (сборник)

«Центрполиграф»

1985, 1986

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ромов А. С.

Хокуман-отель (сборник) / А. С. Ромов — «Центрполиграф»,
1985, 1986 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-227-05782-2

Пятерых раненых участников глубокого разведрейда, располагающих данными большой важности, необходимо срочно перебросить в тыл, в Приморье. Во время полета наш «Дуглас» обстрелял блуждающий японский ночной истребитель. Самолет благополучно сел на Ляодунском полуострове, в нескольких сотнях метров от «Хокуман-отеля» — место отдыха высшего состава командования японской армии. В центре повести «В чужих не стрелять» действия военных разведчиков накануне Первой мировой войны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-05782-2

© Ромов А. С., 1985, 1986
© Центрполиграф, 1985, 1986

Содержание

Хокуман-отель	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Сергеевич Ромов

Хокуман-отель

© Ромов А. С., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

Хокуман-отель

Одиннадцатого августа 1945 года 6-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника Кравченко прорвала оборону японцев на Чанчун-Мукденском направлении и неожиданно расчленила 3-й Квантунский фронт. Стремительно войдя в глубокий тыл японцев и преодолев Корохонский перевал, 6-я гвардейская овладела городом Лубэй и подготовила тем самым плацдарм для основных сил Забайкальского фронта. Однако она оторвалась при этом от собственных баз снабжения на четыреста пятьдесят километров, а армейские и фронтовые машины с горючим, которые могли бы выправить положение, застряли в песчаных дюнах при подходе к перевалу Корохон. Танковые войска, рвущиеся дальше, вынуждены были остановиться. В ожидании доставки горюче-смазочных материалов по воздуху 9-й гвардейский механизированный и 5-й гвардейский танковый корпуса вынуждены были временно перейти к действиям сводными отрядами. Это были по армейским масштабам считанные единицы самоходок и танков, да и то для них пришлось слить горючее со всех остальных машин. Такова была обстановка к вечеру одиннадцатого августа.

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое на небольшом аэродроме под Лубэем на пустых бочках из-под горючего сидели двое: начальник разведотдела 6-й танковой армии полковник Шеленков и капитан Гарамов. Чуть поодаль готовился к взлету «Дуглас». Машина была окрашена в защитную краску. Накрапывал мелкий дождь, было темно, и лишь при напряженном усилии можно было разглядеть в свете потайных фонарей, как по трапу «Дугласа» санитары осторожно поднимают носилки с ранеными.

– Все понимаю, Сережа. – Полковник поправил плащ-палатку. – Понимаю, что тебе, боевому офицеру, а не какому-нибудь там, ну, в общем, ты понял... не хочется этим заниматься.

Полковник был маленьким, круглолицым. Разговаривая, он то и дело вынимал платок и стыдливо сморкался, хотя стыдиться перед Гарамовым ему было нечего. В ходе рейда, когда всему составу приходилось мокнуть двадцать четыре часа в сутки, многие были простужены.

– Но... – Полковник спрятал платок в карман. – Надо. Пойми, надо, Сережа. Бесценные это раненые.

Гарамов неопределенно кивнул:

– Понимаю, Александр Ермилович.

По этому кивку и взгляду нельзя было понять, как относится сам Гарамов к разговору. Он был выше среднего роста, худощавый. В его чертах была какая-то диковатая лихость, и тот, привычный и в то же время непривычный для русских лиц, южный колер, который обычно в России называется почему-то «казацким». А запавшие глаза, густые черные брови, вдавленные виски и горбатый нос придавали лицу Гарамова некую насмешливую мрачность, о которой он хорошо знал. Раньше, на прежней, довоенной работе, эта театральная мрачность ему не мешала. Теперь же она была Гарамову как кость в горле, и он всячески – голосом, жестом, взглядом – пытался ее затушевать.

– Ведь по-японски ты не очень хорошо? – тихо спросил Шеленков.

Гарамов пожал плечами:

– В смысле?

– Ты вел допросы?

– Так, Александр Ермилович. В размере курсов.

– Понимаю. Хонсийский диалект от хоккайдского не отличишь. Я не хочу сказать, что ты здесь с таким багажом не пригодишься. Язык еще не все...

– Александр Ермилович, – Гарамов нетерпеливо улыбнулся, – я ведь не отказываюсь.

– Я тебе совсем не потому это говорю. А для того, чтобы ты понял: задание очень важное. Пять человек раненых, которых грузят сейчас на самолет, участники глубокого разведрейда.

Они располагают данными большой важности. Прорывались назад с боем, шли по дюнам без пищи и воды. Командир и заместитель до сих пор без сознания. Всех пятерых нужно срочно перебросить в тыл, в Приморье. Нужно что-нибудь еще объяснить?

– Не нужно, Александр Ермилович.

Шеленков отвернулся и, опять скрывая насморк от Гарамова, достал платок. В темноте обозначились силуэты: по выбитой посадочной площадке к ним шли трое. В одном Гарамов сразу узнал командира разведроты Седова, рядом с ним шли офицер невысокого роста и девушка. «Врач и медсестра», – наметанным взглядом определил он.

– Мы прорвали фронт, а что толку? – Шеленков спрятал платок. – Бригады стоят, а впереди Туцюань, Таоань, да и дальше... Конечно, ГСМ нам перебросят, самолеты уже готовы. Но сам знаешь – тут не одна сотня тонн нужна. Для переброски ГСМ готовят целую воздушную армию. Дождь, туман. А где посадочные площадки? Они вот у этих пятерых. Которые на носилках.

– Военврач Арутюнов, сержант медслужбы Дмитриева! – остановившись, доложил Седов.

Гарамов сразу же попытался оценить этих двоих, с которыми ему наверняка придется лететь. Военврач с капитанскими погонами чуть щурил большие карие глаза. Вначале взгляд показался Гарамову малоприятным: зрачки все время уплывали под верхние веки, узкие губы растягивались и сжимались в некоей всезнающей гримасе.

Но, приглядевшись внимательно, Гарамов все-таки вынужден был признать, что это кажущееся, а сам капитан выглядит молодежато. Медсестра же была красивой и... капризной. Об этом говорили ее губы и взгляд, в котором сквозили уверенность в себе, озорство и понимание того, что она всем нравится.

На вид девушке было не больше девятнадцати. На голову выше врача, большеглазая, со светлыми волосами, заправленными под пилотку наспех, видимо второпях, медсестра сейчас всем своим видом будто бросала вызов всему, что ее окружало: темноте, морозящему дождю, зеленому «студебеккеру» с красным крестом, стоящим возле него промокшим санитарам. «Избалованная, видно, девица, – подумал Гарамов, – знает, что такое красивая девушка на фронте и как таких обхаживают, все прощают, как над ними все трясутся». Девушка, будто читая его мысли, покосилась. Гарамов тут же пристыдил себя: «Что ты к ней пристал. Она же не виновата».

Шеленков, мельком оглядев девушку и военврача, показал на стоящие рядом пустые бочки:

– Садитесь, товарищи. Тара, по-моему, чистая.

Медсестра и врач сели. Седов ушел. Шеленков взял у Гарамова карту, расстелил на коленях, посмотрел на врача:

– Кажется, Оганес Робертович?

– Так точно, товарищ полковник. – Арутюнов покосился на медсестру.

– Что вы скажете о раненых, Оганес Робертович?

Арутюнов стал зачем-то рассматривать землю. Вздохнул:

– Двое, в общем, терпимы. Ну и третий.

– Двое – вы имеете в виду Потебню и Савчука?

– Так точно. Еще Левашов... Если только успеем и у него не начнется перитонит.

– А командир группы Ларионов?

Арутюнов посмотрел на медсестру, будто она знала что-то о Ларионове, что следовало скрывать и от Гарамова и от Шеленкова.

– Он... выживет?

– Товарищ полковник...

– Александр Ермилович.

– Александр Ермилович. Скажу прямо: я только что его пальпировал. У Ларионова глубокое полостное ранение, необходимо переливание крови. И осколок в шее. Нужно... освободить. Ну а чтобы освободить, нужен стационар. Хороший стационар.

Арутюнов сидел с особым выражением лица, и зрачки у него совсем уплыли под веки. Этим выражением он будто говорил: «Я сделал все, что смог, и прошу не смотреть на меня так и не качать головой. Вы же отлично знаете, что я в ранении Ларионова не виноват».

Полковник, будто уяснив все это, выпрямился.

– Оганес Робертович. И...

Полковник повернулся к медсестре. Та улыбнулась:

– Вика...

Гарамов отметил про себя, что у медсестры приятная улыбка.

– Ну-у! В таком случае, думаю, мы не пропадем. А? – сказал Шеленков. Медсестра сразу засмушалась, покраснела, опустила глаза. – Вика – это ведь значит победа?

Медсестра искоса посмотрела на Арутюнова, будто ища защиты. «Неужели у них... между собой?» – подумал Гарамов. Шеленков расстелил на коленях карту:

– Мы находимся вот здесь, в Лубэе.

Полковник, разыскивая на миллиметровке Лубэй, нагнулся, ткнул карандашом в найденную точку. Карандаш пополз по карте.

– Доставить раненых надо в Приморье. Это около восьмисот километров. Обстановка в небе спокойная, с зенитками у японцев туго. Радаров вообще почти нет, так что, думаю, долетите. Поведет машину опытный пилот капитан Михеев. Второй пилот, хоть и молод... Остальные – штурман, радист, бортмеханик – тоже рекомендуются наилучшим образом. Задача же у вас одна: вы должны следить за состоянием раненых. Сопровождающим в полете будет капитан Гарамов. Если вы с ним еще незнакомы, познакомьтесь.

– Очень приятно. – Арутюнов пожал руку Гарамову. Медсестра улыбнулась. Эта улыбка сейчас была другой, сдержанно-деловой.

Подошел первый пилот Михеев, коренастый, неуклюжий в своем комбинезоне; лицо у него было костистым, покрытым явно преждевременными морщинами, левую щеку портил большой шрам со следами швов. Чуть в стороне стоял второй пилот, без шлема, со спутанными светлыми волосами, по виду совсем мальчишка, чуть ли не из десятого класса. Бортмеханик осматривал бензобак. Двое, по всей видимости радист и штурман, влезли по трапу в самолет. Шеленков встал, за ним и остальные.

– У нас все готово, товарищ полковник. Лететь можно.

Шеленков как-то по-простецки кивнул:

– Ну что, удачи.

Он не спеша, по очереди пожал всем руки: сначала Вике, потом Арутюнову, потом пилотам и напоследок Гарамову. Подходя к трапу, Гарамов вдруг поймал себя на мысли, что ему сейчас очень хочется помочь медсестре ступить на трап. Кажется, то же самое мечтал сделать и Арутюнов.

Перед трапом все трое остановились, и Гарамов сказал, сам не ожидая этого и поддерживая девушку за локоть:

– Вика, прошу!

Медсестра, будто не слыша этих слов, поставила ногу на трап, посмотрела на Арутюнова. Но руку все же подала Гарамову. Он подсадил ее, ощущая мягкую, легкую ладонь и короткое, не допускающее никаких вольностей, благодарное пожатие. Вика исчезла за дверью. Гарамов как можно дружелюбней посмотрел на военврача: «Давайте вы». Капитан легко поднялся, Гарамов в два прыжка взлетел за ним. Через несколько секунд, осмотрев что-то напоследок у крыльев, поднялись пилоты и бортмеханик. Михеев, подняв планшет, чтобы не задеть раненых, прошел в кабину, механик пробрался за ним. Второй пилот, влезший последним, был без

головного убора. Он долго задраивал дверь и только после этого натянул шлем, болтающийся за спиной. Покосившись на Гарамова, боком протиснулся вперед. Захлопнулась дверь кабины, и скоро заработали моторы.

Кайма вокруг солнца, опускавшегося в море, была густо-фиолетовой и нестерпимо яркой рядом с холодным зеленым горизонтом. Стук шаров в бильярдной прекратился несколько минут назад. Значит, они должны сейчас выйти. Свет в номере был погашен, но Исидзима – директор специального «Хокуман-отеля» для высших чинов японской армии – стал у окна так, чтобы его в любом случае не было видно. Он наблюдал за выходом. Сначала все было пусто, только на асфальтовой площадке у розария стояла подъехавшая час назад длинная черная машина майора Цутаки. Интересно. Если он угадал, вся акция должна была у них занять минут десять. Остальное – на декорацию. Неужели не угадал? Нет, угадал. Из главного входа в отель, изображающего раковину, неторопливо вышли четыре человека в смокингах. Исидзима сразу же убедился: это те же, кто приехал. Первый, коренастый, с уверенной походкой, – сам майор Цутаки Дзиннай, выпускник императорской школы разведки, бывший руководитель отдела армии по формированию «летучих отрядов». К сожалению, точной должности Цутаки сейчас Исидзима не знает, но по тому, что группа Цутаки наделена чрезвычайными полномочиями и контролирует второй отдел, можно предположить, что он подчинен непосредственно штабу генерала Отодзо. Однако в Дайрене он для всех просто майор Цутаки. Исидзима отметил – Цутаки единственный, на ком вечерний костюм сидит нормально. Даже при беглом взгляде на остальных ясно, что это кадровые офицеры, привыкшие больше прыгать с парашютом, стрелять и брать языка где-нибудь в зарослях, чем носить крахмальные рубашки. Расхлябанный в ходьбе, с болтающимися руками – лейтенант Таяма Каору, по кличке Летун, начинал снайпером в армии. Косолапый увалень – капитан Мацубара Сюнкити, он же Дикобраз, бывший командир знаменитого диверсиями в тылу «Седьмого летучего отряда». Наконец, высокий, поджарый, длиннорукий – телохранитель майора Цутаки лейтенант Тасиро Тансу, признанный всеми специалист по рукопашной. Они приехали, чтобы покончить с руководителем отряда номер 731 – генералом Отимия: война заканчивалась, и, вероятнее всего, группе Цутаки было поручено замести все следы, касающиеся разработки бактериологического оружия. Майор пригласил Отимию в бильярдную, приказав всем разойтись по номерам. Интересно, тело генерала Отимия возьмут с собой или оставят в номере? Ага, вот и тело. Два привратника что-то несут; судя по их походке, это нечто тяжелое. Огромный кожаный чемодан, вполне в стиле Цутаки. Привратники – старый Горо и молодой Масу. Значит, они решили все-таки похоронить Отимию со всеми почестями. Горо – человек Исидзимы, а Масу прибыл недавно по личному назначению генерала Ямадо, значит, фактически – это ставленник Цутаки. Падающий сверху мягкий свет цветных китайских фонариков на секунду скользнул по напряженным лицам Горо и Масу. Вот они вплотную подошли к машине, опустили чемодан в багажник. Тасиро захлопнул крышку. Четверо вместе с Цутаки сели в машину. И когда привратники повернулись, пошли к раковине входа, машина плавно тронулась с места, развернулась у угла здания и исчезла в зарослях.

Теперь из высоких гостей, да и вообще из всех постояльцев, в отеле остались двое: шеф армейской разведки императора Пу И генерал Ниитакэ и патрон Исидзимы генерал Исидо Такэо, заместитель шефа разведки Квантунской секретной службы по агентуре.

Исидзима прислушался. В коридоре и за окнами тихо. Кажется, они действительно уехали, не оставив засады. Впрочем, она им и не нужна. Если Исидзима все правильно понимает, то от директора «Хокуман-отеля» людям Цутаки скрывать нечего. Они конечно же знают, что все шесть его официантов кадровые офицеры японской разведки – четверо японцев и два семеновца. Все с самого начала работают на второй отдел и лично преданы ему, Исидземе Кэндзи, – уж он позаботился, чтобы всех их купить на корню. Сам он вполне лоялен ко второму

отделу. Сейчас, когда вот-вот будет подписана капитуляция, из всех многочисленных забот Исидзими по заданию второго отдела у него осталась только одна – охранять жизнь генерала Исидо. Но тут есть одна тонкость. Он лоялен к Цутаки, но тем не менее обязан подчиняться только второму отделу, а значит, и второму человеку в отделе – в первую очередь.

Исидзима стоял у окна еще около получаса. Солнце зашло, и полоса пляжа впереди слилась с линией моря, стала невидимой. В саду среди причудливо расположенных камней, в стеблях бамбука и листьях пальм мелькали светлячки, словно далекие фонарики. Исидзима чуть приоткрыл раму, и в комнату тихо вошел запах магнолий. За дверью раздалось знакомое попискивание. Орангутан Сиго. Опять выпустили обезьяну из сада. Да, подумал Исидзима, после того как два дня назад армейское командование сняло с «Хокуман-отеля» официальную охрану, смерть будет часто посещать этот райский уголок. Иначе зачем же в такое трудное время посылать высшие чины сюда на отдых. Значит, забота у секретных служб теперь одна – скрыть все, что только можно. Если он все правильно понимает, то люди в черных смокингах могут прийти завтра за Ниитакэ или Исидо. А потом? Официантов они, конечно, не тронут – мелочь. Девушек? Девушек, наверное, тоже. А впрочем, кто их знает. Что же получается. Очередь за генералами Ниитакэ и Исидо, только кто из них первый? Толстый слюнявый бабник Ниитакэ или его патрон, отрешенный от мирских благ? Скорей всего, Ниитакэ, потому что майор Цутаки понимает, что Исидзима, наделенный полномочиями охраны, так просто Исидо не отдаст. Да и Исидо хитрая лиса. Пока не подписана капитуляция, он будет делать все, чтобы продлить охранные полномочия Исидзими. Вполне возможно, что директор отеля рано или поздно вынужден будет предать своего шефа. Генерал Исидо – козырь, серьезный козырь. И за его жизнь Исидзима сможет выторговать у Цутаки максимум возможного. А если получится – даже больше; все дело в том, как сложатся события после войны. Впрочем, он уже предполагает, как они могут сложиться. Через неделю, максимум дней через десять сюда придут советские войска. Вернее всего, они передадут занятую территорию НОАК. Гомиьндан будет изгнан. И Исидзима должен успеть уйти до этого времени. Поэтому сейчас-то он и должен выбрать, кто же сможет принести ему большую пользу – Цутаки или Исидо?

Выйдя в коридор, Исидзима почувствовал, как его ласково тронула теплая мохнатая лапа Сиго. Орангутан подпрыгнул, зачмокал, потянулся вверх, вытягивая длинные морщинистые губы. Исидзима отвернулся, погладил обезьяну за ухом.

Исидзима отвел обезьяну вниз, прошел через холл и через заднюю дверь выпустил Сиго в сад. Горо, дремлющий в кресле, открыл глаза. Да, старик еще себя покажет. Старая закалка. Горо чуток, очень чуток.

– Горо, я вам много раз говорил: следите, чтобы Сиго не входил в отель.

Горо поднялся, поклонился, сказал почти беззвучно:

– Чемодан был тяжелым.

Настоящий агент старой секретной службы, ему не нужно ничего объяснять.

– Спасибо. Я отмечу ваше усердие. Что еще?

Горо закрыл глаза, выразив этим почтение.

– Вас спрашивала госпожа Мэй Ин.

– Что вы сказали?

– Сказал, что не знаю, где вы.

– Правильно. Кто дежурит у Исидо-сан? Вацудзи?

– Нет. Хаями и Корнев.

– Да, я забыл. Как только сменятся, пусть подойдут ко мне. Я буду на берегу.

– Будет выполнено, Исидзима-сан. – Горо опустил голову, показывая этим, что все понимает.

– Что Исидо-сан?

– Он спрашивал, где генерал Отимия.

– Зачем?

– Он просил пригласить генерала к нему. Хотел поиграть с ним в покер.

– Что вы ответили?

– Ответил, что не знаю, где генерал Отимия, но поищу.

Интересно, Горо догадывается о чем-то?

– Горо, как вообще... вокруг было тихо?

Старческие складки на шее Горо дернулись. Их поддерживал стоячий воротник расшитого золотом кителя.

– Вы имеете в виду приезжих?

– Горо, я спрашиваю вас вообще: было ли все тихо?

Горо склонился.

– Да, все было тихо, Исидзима-сан. Приезжие играли наверху в бильярд, я сам слышал стук шаров. Потом стук шаров прекратился, и господа офицеры спустились.

Шарами занимался, вернее всего, кто-то один. А остальные трое – генералом.

– Хорошо, Горо. Значит, я на берегу. И помните, что я вам говорил насчет Сиго. Отель пока еще не пуст.

– Хорошо, Исидзима-сан.

Исидзима прошел в сад и вышел к морю. Розы пахли вовсю, забивая даже запах магнолий. Он остановился у причудливо изогнутого островка из высоких, уходящих к окнам кактусов. Если где-то и может остаться человек Цутаки, так он будет сидеть или в бамбуковой роще, или здесь. Однако в двухметровых зарослях кактусов никого не было. Впереди, у линии прибоя, можно было различить солярий и смотровую башню, чуть подальше – причал для катеров. Там тоже никого не было видно. И Исидзима с удовольствием вдохнул аромат моря. Он сегодня перехитрил их всех. Осталось не так уж много дел: перед сном навестить генерала Исида, поговорить с Корневым и Хаями... И тут он почувствовал, как кто-то осторожно подошел к нему сзади.

Вика сидела закинув голову. Ее загораживал Арутюнов, и Гарамов с трудом мог разглядывать лицо медсестры. Сколько ей было лет в сорок первом, когда началась война? Наверное, что-то около пятнадцати. Ему же в то время было уже двадцать три. Если бы они могли каким-то образом встретиться тогда... Да нет. Как они могли встретиться? Никак. Она, судя по выговору, откуда-то из большого города, скорее всего москвичка или ленинградка. А он? Он – шпана ростовская. Но если она москвичка, то в принципе они могли и встретиться: он ведь учился там в цирковом техникуме. И Сергей невольно начал вспоминать, как он попал туда.

Как-то летом, когда Гарамову было двенадцать и он, как обычно, прыгал в Дон с такими же сорвиголовами с главного городского моста, к нему подошел человек в спортивном костюме. Он зачем-то пощупал его плечи, шею и дал записанный на бумажке адрес.

– Зайдешь, дело есть.

«Делом» оказалась секция по прыжкам в воду. И Гарамов стал заниматься. Прыгать ему нравилось. Дома об этом никому не говорил, потому что отлично знал, как воспримет отец весть о его новом увлечении. Но родитель все-таки узнал и устроил один из самых больших скандалов. Сухой, сутулый, с нависшими, мохнатыми бровями и большим носом, в котором Сергею всегда чудилось что-то волчье, отец в самом деле напоминал того доброго волка, который только прикидывается злым. Гарамов-старший ходил по комнате и раздраженно накачивал сына, повторяя в общем одно и то же:

– Нет, вы посмотрите, кем же он будет – Сергей Гарамов! Сергей Александрович Гарамов! Он, видите ли, будет прыгуном в воду! Чертовщина! Может быть, ты передумаешь и станешь прыгуном через скакалку? А? Как тебе это нравится? Не смотри в пол! Смотри мне в глаза! Нет, ты понимаешь, наконец, что это не мужское занятие? Но я уж об этом не говорю!

Я молчу! Бог с ним – не мужское! Но пойми, пойми ты своим куриным умом, что это не занятие для думающего, интеллигентного человека! Для настоящего человека, человека высокой культуры! Именно таким, я надеюсь, ты обязан стать! Не смотри в пол! Смотри мне в глаза! Нет, это только себе представить – прыжки в воду! Я тебе приказываю: немедленно прекратить эти идиотские прыжки! Слышишь? Немедленно! Сергей! Ну? Отвечай, Сережа, ты должен понимать, что у тебя плохо с точными науками! Дай мне слово, что ты немедленно перестанешь заниматься этими идиотскими прыжками! Слышишь, Сергей? Нет, он определенно оглох! Подними глаза!

Гарамов хотя и пробурчал: «Не подниму», но прыжками в воду все-таки действительно скоро перестал заниматься и перешел на гимнастику и акробатику. В пятнадцать лет у него уже был первый разряд, в шестнадцать он стал мастером спорта. К тому времени Гарамов уже не раз бывал в цирке, а после присвоения ему первого спортивного разряда по гимнастике понял: что бы с ним ни случилось, он будет работать цирковым артистом, а после десятого класса уедет в Москву поступать в цирковой техникум. Он мог, конечно, попытаться уехать и после седьмого, но знал, что это нереально – отец не отпустит. Поэтому в восьмом, девятом и десятом классах Гарамов, зная, что всю программу придется повторять в техникуме, практически не учился всерьез, а отсиживался. С одной стороны, он, как мастер спорта по гимнастике, был гордостью школы, с другой – фамилию Гарамова склоняли так и этак на всех собраниях. Его несколько раз исключали из школы за различные выходки, но в конце концов благодаря хлопотам отца – старого профессора – восстанавливали.

Потом была Москва, цирковой техникум, куда Гарамов поступил, пройдя все три тура. Через два месяца сам придумал номер с ножами и начал тренироваться, вгоняя их в доску вокруг нарисованного человека. Партнершей согласилась быть его бывшая соученица по курсу Таня Ливанова.

Так случилось, что, выпустившись, они каждый вечер под туш, в костюмах «Американа», выходили вдвоем на манеж, делали несколько танцевальных па и расходились под стихающую музыку в разные стороны. Таня становилась спиной к доске, оркестр умолкал, и Гарамов один за другим всаживал в доску вокруг головы и плеч Тани двадцать ножей – последний точно над макушкой. Номер нравился, шел на ура. За год выступлений они не то что ни разу не уходили с манежа «под стук собственных копыт», а неизменно выбегали на три-четыре повторных комплимента.

Гарамов любил цирк. Он любил его безотчетно. Любил приходить на утренние репетиции. Любил запах опилок и зверинца. Любил тишину, которая повисала в цирке, когда он брал первый нож. Сергей знал, что тишина и напряженность, повисающие в цирке во время их номера, все время разные, меняются, каждая имеет свой тембр и даже – цвет. После пятого вонзившегося ножа она уже другая. Совсем другая после десятого. И отличная от всех, не похожая ни на что – после того, как он берет последний, двадцатый нож и, прицеливаясь, медленно и настороженно вытягивает руку вперед.

Перед самой войной умер отец. В телеграмме, которую ему прислала сестра, было сказано коротко: «сердечный приступ». Вскоре после отца умерла мама. Потом началась война.

* * *

– Простите меня, Исидзима-сан. Если только можете, простите.

Исидзима усилием воли заставил себя не отступить назад. Мэй Ин, стоявшая перед ним на песке в фиолетовом кимоно с узором в стиле дзёмон и красном оби, могла бы понять это как знак отвращения. Но ведь отвращения к ней в нем нет, просто сейчас связь с Мэй Ин ему ни в коем случае не нужна. Оглядывая и оценивая ее легкую фигуру, взгляд, движение ресниц, он вынужден был признать: это действительно одна из лучших девушек «Хокуман-отеля». Она

хороша тем, что необычна. В ее лице живет, постоянно и неуловимо возникая, то, что так нравится мужчинам: смесь независимости, слабости, нежности и силы. Лицо ее явно относится к южному, китайскому типу, и он, знаток японских лиц, хорошо это видит. Видит и то, как в резко очерченной линии маленькой верхней губы, в чуть выпуклых азиатских глазах Мэй Ин всегда прячется вызов обычной островной сдержанности, которую принесли много веков назад на острова ее предки. Пусть воспитание сделало свое, пусть все ее движения, мимика, любое выражение чувств, даже досада, горесть и смертельное отчаяние всегда будут упорядочены, а не отданы на откуп хаосу, но этот бросающий вызов всему миру взгляд, эти отчаянно-нежные глаза и губы останутся. Останутся, несмотря ни на что. И этим ее лицо прекрасно.

– Мэй Ин. Я ведь просил тебя.

Она опустила глаза, разглядывая песок и лениво подползавшую к их ногам волну. Все девушки «Хокуман-отеля», независимо от того, были ли они китайками или русскими, носили звучные китайские имена. Настоящее имя Мэй Ин, уроженки Киото, было Хигути Акико, но здесь никто так ее не звал.

– Мэй Ин. Девочка. Пойми, у меня сейчас много дел. Очень много. Ты ведь понимаешь?

– Понимаю, господин.

Вдруг он увидел: она плачет. Мэй Ин давилась слезами, отвернувшись и закусив нижнюю губу. Ну да, этим и должно было все кончиться. Виноват он сам, только он, и больше никто. Не нужно было доводить до всего этого. А что нужно было? Ну хотя бы, как только все началось, как только он понял, что выделяет Мэй Ин из остальных, сразу же надо было перевести ее в Дайрен. С лучшими рекомендациями, конечно.

– Ну, Мэй Ин? Что ты?

Он попытался успокоить ее, погладить по плечу, но она замотала головой, продолжая плакать. «А я ведь тупица, – подумал Исидзима. – Влюбил в себя девчонку и сам теперь не знаю, что делать. Ай-ай-ай!» Правда, она много раз ему помогала, но, в конце концов, можно было обойтись и без этого.

– Мэй Ин! – Исидзима постарался вложить в голос строгость: – Мэй Ин!

– Простите, Исидзима-сан.

Судорожным глотком она подавила очередной всхлип, достала из-за пояса надушенный батистовый платок. Не разворачивая, осторожно промокнула щеку, а затем задрала голову вверх и, облизывая губы, сказала не глядя:

– Простите, Исидзима-сан. Просто я очень хотела вас видеть. Вот и все. Я сейчас уйду.

– Девочка, ты ведь чуть-чуть мешаешь мне, понимаешь?

– Я все понимаю и больше не буду. Простите, Исидзима-сан.

– Мы ведь живем бок о бок. И непременно увидимся. Ну, девочка?

– Я понимаю, Исидзима-сан. Мне все время кажется, что вы исчезнете. Уйдете, растворитесь куда-то.

Как женщина, она все чувствовала, Исидзима понимал это, но все же сказал:

– Смешно. Я привязан к этому месту. Просто цепями прикован. Куда я уйду?

– Не знаю. Куда-то уйдете, и я вас больше не увижу.

Неподалеку вдруг что-то промелькнуло. Кажется, пришли Хаями и Корнев. Да, так и есть – он видит их силуэты за солярием.

– Ну что ты, девочка. Улыбнись. Ты ведь видишь – я здесь, со мной все в порядке.

– С вами все в порядке, – склонив голову, повторила она, приложив руки к груди. Улыбнулась. – С вами все в порядке, и я рада.

Легко повернулась. Некоторое время он видел, как она шла по песку. Потом Мэй Ин скрыли кусты магнолии. Исидзима вдруг подумал: «А ведь если он будет уходить с кем-то из двоих, с Цутаки или Исидо, ему имеет прямой смысл взять с собой и Мэй Ин. Да. Но пока не

нужно говорить ей об этом». Он подошел к солярию, сказал, обращаясь к казавшимся теням у стены:

– Ну что?

– Все в порядке, Исидзима-сан. – Хаями Ре, маленький, коренастый и лопоухий хонсиец, выступил из темноты. – Сейчас дежурят Вацудзи и Наоки.

– Что приезжие? Они уехали спокойно?

Хаями посмотрел на поджарого, такого же маленького, как он, Корнева-крепыша. Тот усмехнулся.

– Не знаю, спокойно ли они уехали, – сказал Корнев. – Но генерала они увезли с собой.

Значит, Хаями и Корнев все поняли.

– Вы что, видели это?

– Не видели, – сказал Корнев. – Но Цутаки-то мы знаем.

Некоторое время все трое молчали, прислушиваясь к шуму волн.

– Они его прикончили в оранжерее, – сказал Хаями. – Я слышал, как генерал прошел туда с Масу. А потом оттуда же Масу и Горо проволокли чемодан.

Ну что ж. Хаями молодец. Наверное, непосредственным исполнителем был или сам Цутаки, или его телохранитель Тасиро Тансу.

– А генерал Исидо? Он что-нибудь слышал?

– Не слышал, но понял. Он искал генерала Отимия, а потом, когда Горо его так и не нашел, наверное, увидел Цутаки с его людьми. Он выходил гулять по коридору. Тут у него нервы и не выдержали. Он сразу вернулся в номер. И потом несколько раз спрашивал из-за двери, здесь ли мы. И ужинать не выходил – попросил принести в номер, я сам и ходил. Повар приготовил сегодня любимое блюдо генерала.

– Хорошо, Хаями. Отмечаю вашу наблюдательность.

– Рад стараться, господин директор.

Кажется, пора идти к генералу. Исидо наверняка его ждет.

– Чем сейчас занимается Исидо-сан?

– Думаю, что ждет вас.

– Хорошо. Будьте наготове. От Цутаки можно ждать удара в любую минуту. Побудьте пока здесь, я пойду к генералу. Долго не стойте, минут двадцать – и идите спать.

Хаями и Корнев поклонились.

Сидя на подрагивающей скамейке под иллюминатором, Гарамов продолжал следить за Викой, размышляя о собственной судьбе. Как только началась война, его направили в действующую армию. Четыре года, до самого мая сорок пятого, он служил в разведроте, мерз в засадах, чавкал сапогами по болотам, добывал языка за линией фронта. Прошел с боями всю Белоруссию. Потом была Польша и, что самое трудное, Германия. Ловил парашютистов, ползал по лесам, выявляя диверсантов и различные группы «мстителей». Потом для всех было 9 Мая. Но для него, для разведчика, война не кончилась: в числе отобранных его перебросили на Дальний Восток, и вот сейчас он сопровождает раненых.

Размышляя об этом, Гарамов продолжал непрерывно следить за Викторией. Она по-прежнему смотрела перед собой. И вдруг Арутюнов, загоразивавший Вику, встал. Пространство между Гарамовым и Викторией освободилось.

– Посмотрю Ларионова, – тихо сказал врач. Вика, будто поддерживая его желание, кивнула. Держась за обшивку, согнувшись, Арутюнов пробрался к носилкам, на которых лежал Ларионов. Они находились у самой кабины пилота.

Гарамов, делая вид, что следит за врачом, повернул голову на самом деле только для того, чтобы увидеть Вику. Она сидела все так же, будто на скамейке ничего не изменилось и они по-прежнему были разделены сидящим между ними Арутюновым. «Могла бы посмотреть, –

подумал Гарамов. – Она же понимает, что я хочу этого. А собственно, почему она должна это понимать? Она сидит не двигаясь, будто не чувствует даже, что на нее смотрят».

– Сержант... – ощущая, как от волнения першит в горле, сказал Гарамов. – Вы... откуда?

Вика, повернувшись, некоторое время изучала его, будто пытаясь понять, что же скрывается за его вопросом. Нет, она совсем не маленькая. Гарамов, встретившись с ней взглядом, постарался как можно независимей улыбнуться и с тоской подумал: «Хоть бы военврач подольше оставался у носилок. А я бы за один такой взгляд, за одно то, что вижу сейчас ее глаза, полжизни отдал бы».

– Меня зовут Сергей.

– А меня вы уже знаете. – Ее глаза по-прежнему были серьезны и будто убеждали его, что не допустят сейчас ничего легкомысленного.

– Вика – это действительно победа?

– Да.

– Очень красивое имя.

– Не знаю. Я привыкла.

– Так вы откуда?

– Из Москвы. А вы?

Разговор налачился, теперь он расскажет ей, откуда он. И в этот момент послышался приближающийся, идущий из ночного неба резкий свистящий звук. Чужой самолет? Да. Причем, кажется, судя по этому звуку, – истребитель. Неужели они атакованы? В ночном небе. Вдали от своих. Но ведь ближайшие аэродромы японцев подавлены. Наверное, Вика увидела что-то в его лице, потому что ее губы испуганно застыли, зрачки сузились. Свист все ближе, вот он уже навис над ними, надавил на уши, упал на голову. Они атакованы – бешеная очередь из тяжелого пулемета. Бьет по моторам и кабине пилотов. Бьет умело. И тут же все провалилось. Кажется, они подбиты или просто сбросили высоту и разворачиваются, чтобы уйти из-под обстрела.

У входа в номер на втором этаже с вделанным в инкрустированную дверь перламутровым цветком лотоса Исидзима остановился. Номера в «Хокуман-отеле» отличались не по цифрам, а по названиям. Раньше, когда в отеле бывало много отдыхающих, это создавало некоторые трудности, сейчас же спутать гостей и номера, которые они занимают, было трудно – таких номеров в «Хокуман-отеле» осталось всего три. В «Азалии» на третьем этаже живет генерал Ниитакэ, в «Лотосе» на втором – генерал Исидо и на втором же, в «Сакуре», – генерал Отимия. Последний, впрочем, уже не живет, а жил. «Не забыть отметить в журнале, что сегодня „Сакура“ освободилась», – напомнил сам себе Исидзима. Тихо кашлянул. Из-за двери спросили:

– Кто там?

– Вацудзи, это я.

– Кто? Назовите имя.

– Исидзима.

После долгой паузы наконец щелкнул замок, дверь открылась.

– Простите, шеф, вы очень тихо ответили. – Вацудзи Каору сделал незаметное движение и спрятал пистолет в карман. Он был выше среднего роста, с прилизанными волосами и ярко выраженной внешностью хоккайдца. Узкие губы, большой нос, близко посаженные глаза. Как только Исидзима вошел, Вацудзи сразу же закрыл дверь. Второй официант, наверняка до этого дремавший в кресле, встал и поправил бабочку. Раньше, до «Хокумана», этот второй, Наоки Таро, служил инструктором в десантных войсках. Он выглядел флегматичным и полноватым.

– Правильно, Вацудзи. Сейчас можно ждать всего. Генерал поужинал?

Вацудзи посмотрел на Наоки. Тот поклонился:

– Да, Исидзима-сан. Я уже отнес посуду на кухню.

Исидзима подошел ко второй двери, прислушался: тихо. Нет, он все-таки уверен, что генерал Исидо стоит сейчас тут же, за дверью, и слушает. Исидзима постучал. Сказал:

– Ваше превосходительство, разрешите войти? Это я, Исидзима.

Тишина. Ясно – генерал стоит за дверью. Старая лиса.

– Ваше превосходительство. Это я.

Щелкнул замок – и снова тихо. Наверное, генерал, открыв защелку, спешит принять достойную позу.

– Войдите, – наконец послышалось из-за двери.

Исидзима открыл дверь. Генерал сидел в глубине кабинета в удобном европейском кресле, делая вид, что смотрит в чуть приоткрытое окно. На нем было кимоно из красного шелка с синим оби. Из-под халата выглядывали коричневые самурайские хаками.

– Можете подойти, Исидзима.

Исидзима медленно подошел и остановился.

Генерал Исидо выглядел моложе своих пятидесяти.

Коротко стриженный ежик черно-седых волос, маленькие усики над чувственными губами. Твердый взгляд жестко-осмысленных темных чуть навывкате глаз. Взгляд человека, привыкшего допрашивать, а то и просто пугать. Однако главной специальностью генерала были не допросы. Последние два года он отвечал за подготовку всей агентуры – от Китая до Бирмы и Сингапура.

– Вы знаете про Отимию?

Исидо спросил это тихим, ровным голосом, не поворачивая головы.

– Да, ваше превосходительство.

Исидо пошевелил губами, и Исидзима понял, что он повторяет заклинание из учения великого Омото-кё. Кончив шептать, Исидо сказал громко:

– Они задушили его, как гуся. И увезли в чемодане.

– Я видел, ваше превосходительство.

Исидо повернул голову, спросил, усмехнувшись:

– Чья теперь очередь? Ниитакэ? А, Исидзима? Или моя?

– Не посмеют, ваше превосходительство.

– Скоты, они ведь только этого и хотят. Им ведь нужны списки. Поэтому сначала они возьмутся за меня.

– Не посмеют, ваше превосходительство.

– Мерзавец Цутаки. Грязный мерзавец. Кем он был во время войны? Никем. Рядовой исполнитель. А теперь от его прихоти зависит, кого предать смерти. Что вы молчите, Исидзима?

– К сожалению, зависит.

– Наверное, они кокнули Отимию где-нибудь в туалете.

– В оранжерее, ваше превосходительство.

Исидо прищурился:

– В оранжерее? Ну да. Конечно. Вообще-то Отимия сам идиот. Что он – не мог сообразить?

– Ваше превосходительство... О чем вы?

– Согласен, они убрали бы его в любом случае. Но лучше умереть с почетом. У него же есть оружие. Несколько пуль в них, а последнюю – в себя.

– У него не было выхода, ваше превосходительство.

Исидо несколько секунд не мигая смотрел в упор на Исидзиму.

– К черту! Надо сматываться. Сматываться – куда угодно.

– Цутаки всюду поставил заслоны. Все машины проверяются. Даже непроезжая часть патрулируется спецгруппами.

– Знаю, – вздохнул Исидо. – Я сам готовил приказ номер шестьдесят два.

Лицо Исидо стало каменным, и эта неподвижность показалась Исидзиме очень похожей на обреченность.

– Вы же знаете, ваше превосходительство, конец иногда становится началом.

– Слушайте, Исидзима. Не оставляйте меня. Вы единственный, на кого я могу здесь положиться.

– Понимаю, ваше превосходительство.

– Вы и ваши люди.

Исидзима в знак согласия склонил голову.

– Ну что вы молчите, Исидзима?

– Ваше превосходительство, вы все знаете.

Исидо снова откинулся в кресле. А Исидзима подумал, что, если подписание капитуляции затянется и придется уходить, генерал будет его первым помощником. Но Исидзима еще не решил, кого из двух ему выбрать – Исидо или Цутаки.

– Я никому не верю. Иногда мне кажется, что Цутаки завербовал и вас?

– Меня?

– Да, вас.

– Каким образом?

Исидо молчал. Было ясно, что он напуган. Но Исидзима понял: генерал знает, что он его союзник в борьбе с Цутаки. Конечно, Исидо убежден, что Исидзима Кэндзи за время работы в «Хокуман-отеле» сколотил состояние, поэтому и рассчитывает на него в надежде спасти это богатство. Пусть считает так, это очень хорошо. В принципе после того, как Исидзиме удалось найти тайник Исидо и перефотографировать списки его агентуры, больше с генерала взять нечего.

– Вы знаете, меня Цутаки завербовать никак не мог.

Исидо впился в него глазами. Гипнотизирует.

– А ваших людей?

– Во-первых, мои люди преданы мне. Во-вторых, они подобраны лично мной.

– Есть и в-третьих?

– Есть. Я плачу им приличное жалованье.

Исидо криво усмехнулся. Выдохнул воздух.

– Я забыл. Я им тоже приплачиваю, но, наверное, меньше.

– Ваше превосходительство, я хорошо знаю этих людей и держу их в руках.

– Скажите, что я им добавлю.

– Спасибо, ваше превосходительство, это не помешает. Еще раз прошу – будьте осторожны с Масу, новым привратником. Он не проверен. Боюсь, что это человек Цутаки.

Исидо молчит. Обдумывает, зачем все это сказано. Конечно, все это Исидо знал и без него. Но он сейчас пытается оценить, насколько это сообщение искренне.

– Это тот, что тащил чемодан? Вместе с Горо?

– Совершенно верно.

– Хорошо, Исидзима. Спасибо.

– Позвольте пожелать вашему превосходительству спокойной ночи?

Исидо подошел к окну, распахнул рамы до конца. За окном шумела бамбуковая роща. Большинство цветов давно закрылось, сейчас ветер вносил в комнату запах водорослей – терпкий, густой запах йода. Исидо вздохнул. Поверил в искренность. Или сделал вид, что поверил.

– Жаль, что вы не можете спокойно посидеть со мной.

– Мне самому жаль, ваше превосходительство.

– Спокойной ночи, Исидзима. Завтра утром я жду вас, как всегда.

Исидзима поклонился и вышел. Вацудзи и Наоки молча следили, как он открыл дверь в коридор. Оставшись в коридоре один, Исидзима огляделся. За ним щелкнул замок.

Он прошел в конец второго этажа, к своей комнате. Войдя, зажег ночник и прежде всего долго и тщательно проверял метки. Все они были на месте. Но он все-таки проверил их еще и еще раз. Убедившись, что все метки не сдвинуты, он снял фрак, осторожно повесил его в шкаф, затем взгляделся в собственное отражение. Оскалившись, подмигнул сам себе. Из зеркала в дверце шкафа на него смотрел человек среднего роста, широкоплечий – типичный житель западного побережья. Лицо узкое и узконосое, с глубоко сидящими глазами, скулы выражены слабей, чем у китайцев, и сравнительно светлой кожей. Любой японец, посмотрев на такое лицо, скажет про себя: «Э, братец, да ты точно откуда-нибудь с Ниигаты или Кинадзавы». Он отлично знал эту свою особенность – у него был ярко выраженный тохокский тип, тип этнических японцев с примесью айнов.

Он закрыл створку шкафа, потушил ночник. Разделся, откинул одеяло, лег на спину. Прислушался к шуму моря. Ну что ж, по крайней мере еще часа четыре он поспит.

Когда сопровождающий капитан стал поглядывать в ее сторону, а потом и просто откровенно разглядывать, Вика сначала про себя решила, что ему просто нечего делать. Потом это стало ее раздражать, даже злить: слишком уж настойчиво он смотрел на нее. Это заметил даже Арутюнов. Капитан, будто почувствовав ее возмущение, вдруг совсем перестал обращать на нее внимание. И через несколько минут Вика поняла, что злится на него уже за то, что он теперь на нее не смотрит.

Вика Дмитриева родилась и выросла в Москве, на Ленинградском шоссе, в старом двухэтажном доме. В нем всегда пахло керосином – внизу была известная на всю округу керосиновая лавка. В их квартире, в настоящей московской коммуналке, жило десять семей, но у Вики в их комнате («у нас двадцать метров», – с гордостью говорила мать) был свой угол и кровать за большим зеркальным шкафом. Он был приставлен торцом к стене, и в детстве Вика очень любила свой уголок. Там было темновато даже днем, но она любила лежать на кровати, делать уроки и даже читать, ловя скупой свет, проникавший в узкую полоску между стеной и шкафом. Мать, все время строчившая на машинке у окна, время от времени, не отрываясь от шитья, говорила скрипучим голосом: «Вика, сейчас же вылезай, глаза испортишь. – И через секунду: – Кому сказала?» На это Вика всегда отвечала одно и то же: «Мам, я так лежу, я не читаю» – и продолжала читать, приготовившись, чтобы в случае опасности успеть спрятать книгу глубоко под матрас.

Отец Вики умер вскоре после того, как она родилась, – от разрыва сердца. Пошел на работу и не вернулся. Вика была четвертой у матери, она уже с пяти лет знала со слов тетки, что матери «шить приходится не вставая, глаза все, смотри, вытекли», и все для того, чтобы прокормить «ораву», то есть их – Вику, двух братьев и сестру.

Потом Вика повзрослела, и как-то сразу все, что было в ее жизни раньше, отодвинулось, стало далеким. Началась война, и через два месяца на старшего из двух братьев, Юру, пришла похоронка. Через год, в сентябре сорок второго, убили и младшего – Артема. В этом же сорок втором, как только Вике исполнилось шестнадцать, она пошла работать санитаркой в Боткинскую больницу, которая была рядом. Здесь она стала взрослой и впервые влюбилась – во врача их отделения. Фамилия его была Немчинов, а имя странное, казавшееся Вике красивым, – Леонард. Немчинов был высоким, старым для нее – ему было уже тридцать два – и чуть прихрамывал (он уже воевал и был ранен). Однажды она осталась на ночное дежурство, Немчинов тоже дежурил по отделению. Она зашла к нему по какому-то пустяковому делу, в это время началась бомбежка. Вика испугалась, Немчинов прикрыл ее, обнял, усадил на диван. А потом и уложил, делая вид, что загораживает от опасности телом. Тут же все и случилось. Утром Немчинов пообещал ей жениться и сказал, что то, что ей нет еще восемнадцати лет, не беда

– он добьется в загсе разрешения. А потом Немчинов над ней подшутил. Вика ухаживала за одним молоденьким и очень тяжелым раненым. Солдатик был совсем плох, и вдруг неожиданно захотел есть, и Вика по его просьбе дала ему помидоры из передачи, принесенной родственниками. В палату ненадолго зашел Немчинов и видел, как раненый ест. Утром он умер: у него начался отек легких. Отправив умершего в морг, Немчинов подошел к ней и сказал серьезно: «Ну что же ты, растяпа. Я еще вчера подумал – зачем ты ему помидоры даешь?» – «А что, нельзя?» – испугалась Вика. «Конечно нельзя. Вот у него легкие и отекли, из-за помидоров». Немчинов ушел, а Вика бросила дежурство, убежала в больничный сад и до ночи рыдала там, спрятавшись в кустах. Там же ее Немчинов разыскал и объяснил, что пошутил. Там же она дала ему пощечину. После этого любое воспоминание о Немчинове вызывало у нее только одно – холодное отвращение. Поэтому сейчас, почувствовав, как смотрит на нее капитан, сидевший на скамейке за Арутюновым, она сначала подумала обычное: «Пусть смотрит, меня от этого не убудет». Спору нет, капитан был красив, даже, как она сказала себе, необычно красив. Может быть, он мог бы и понравиться ей. Она стала даже думать об этом капитане, но тут некстати вспомнила все, что у нее было с Немчиновым, ощутила, как привычно нарастало знакомое отвращение, и сказала себе: «Нет уж, спасибо великое, лучше не надо». После этого каждый раз, когда капитан на нее смотрел, она отворачивалась. В один из таких моментов она вдруг услышала грохот, треск пулеметной очереди и поняла, что их обстреляли.

* * *

Младший садовник «Хокуман-отеля» Лим, поворачиваясь на циновках, попытался натянуть на себя покрывало и попал ногой в дырку. В темноте хрюкала свинья. Лим посмотрел в раскрытую дверь, увидел звезды. Прислушался к прибою и понял, что спать не сможет. Не сможет отвоевать у старости и боли в пояснице те несколько часов блаженства – сна, которые ему полагаются, как и всем вокруг. Но почему бы и нет? Разве он не имеет права на достойную старость, достаток, хорошую жену? Ведь сейчас он так близок к этому, как никогда. От сознания, что это так, он готов простить судьбе все – нищету, проклятый радикулит, бессонницу. Ему теперь не страшно то, что пугало раньше. Даже то, что заканчивается война и неизвестно, какая еще власть будет. Здесь, на этом благосклонном побережье, лучшем курортном месте в Маньчжурии – да что там в Маньчжурии, во всей Азии – в мирные дни можно горы свернуть, если есть ум, трудолюбие и некоторые средства. Некоторые... Лим усмехнулся. Он сам видел, как за одно только дежурство господин Исидзима лично дал одному из официантов тысячу гоби. Тысячу гоби за полдня! Это не считая зарплаты, еды и бешеных чаевых! Конечно, официанты для него богачи, да и живут они в отеле, у каждого свой номер, пусть на двоих, но свой, с удобствами, как во дворце. И все-таки Лим теперь знает: состояние каждого из них – жалкая горстка по сравнению с тем, сколько может лежать там, в тайнике. Нет, наверное, не зря говорится, что плохие и хорошие события распределяются в жизни человека равномерно. И то, о чем он узнал в последние дни, узнал сам, определил своим умом, вычислил, – свидетельство этому.

Лим осторожно повернулся, выставил левую ногу. Боль в пояснице не давала ему встать сразу, и он выставлял сначала одну ногу, потом вторую и только потом поднимался. Отставив правую ногу и сделав усилие, Лим приподнялся, встал. Вышел из фанзы. На берегу было довольно светло – стояло почти полнолуние, сзади хорошо были видны спящие фанзы, в которых жила прислуга из отеля; справа, чуть поодаль, в саду мелькали, как светлячки, фонарики перед «Хокуманом». Согнувшись и преодолевая боль, возникавшую при каждом шаге, Лим подошел к линии прибою. Ведь он знает не только точное место на втором этаже, он даже знает стену, в которой расположен тайник. Стену, инкрустированную фигурками животных – цапель, воробьев, тигров, лягушек, стрекоз. Пена, мягко накатив на песок, подошла к самым его ступ-

ням и исчезла куда-то, растаяла, испарилась. Говорят, есть специальные ванны, которые лечивают радикулит за пять сеансов – даже самый застарелый. Лежать в таких ваннах – блаженство, и спишь после них как убитый. Он знает, что такие источники есть здесь, на побережье. Если найдет тайник и достанет бриллианты – а он его найдет, должен найти, так как прошупал уже стену почти на треть, – он потом переждет, дождется мира и спокойствия и просто купит участок берега, на котором есть эти источники. И построит там пансионат. Небольшой, скромный, домашний пансионат – мест на сорок— пятьдесят, не больше. Конечно, туда сможет попасть любой желающий, заплатив нужную сумму. Но он не поленится и чуть в стороне построит себе отдельный кабинет с ванной. И будет ложиться туда два раза в день: утром, перед завтраком, и вечером, перед сном. Он сам догадался обо всем, когда возил в отель из разных адресов в Дайрене небольшие судки и плетеные корзины с деликатесами: то с омарами, то с акульными плавниками, то с сушеными каракатицами, то с ласточкиными гнездами. Он делал это немалое число раз в течение последних двух лет. Как осел таскал эти судки, которые господин Исидзима всегда принимал у него лично. И не мог догадаться, пока однажды случайно не обратил внимание на вывеску в доме, из которого вышел. Лим как сейчас помнит, это была улица Сюлинь. Он даже не знает, почему обратил внимание именно на эту вывеску, так как мог читать только собственное имя. Но когда на вывеске изображено ожерелье, он понимает, что это значит. На вывесках в других домах, куда заходил Лим, также было нарисовано что-то похожее: на одной – сверкающий камень, на другой – золотое кольцо, на третьей – браслет. И все там, откуда он возил судки с деликатесами. А потом уже определил, что, сам того не зная, все это время был связным, который перевозил драгоценности для господина Исидзимы. Вскоре, случайно оказавшись в номере на втором этаже, Лим услышал стук в стене и увидел в замочную скважину, как мимо по пустому коридору прошел господин Исидзима. Так он понял, что в стене есть тайник.

Еще секунду назад лейтенант Зайцев, летевший в сплошной темноте над миром, чувствовал себя королем. Пусть все было не так, как он хотел, пусть он пока вел не истребитель, а всего лишь «Дуглас» с пятью ранеными и тремя сопровождающими, даже не вел, а был вторым пилотом – все-таки это был его первый по-настоящему серьезный полет через линию фронта с заданием доставить раненых из Лубэя в Приморье. К тому же первым пилотом сбоку сидит не кто-нибудь, а сам капитан Михеев, с которым Зайцев уже был хорошо знаком. И вот внезапно в темноте возник звук чужого мотора. Сначала просто звук, а потом надсадный свист, рев, тупые бесконечные шлепки пуль по их обшивке. Затрещало стекло, погас высотомер и шкала левого бензобака. Потом все стихло, и Зайцев понял – очередь прошла по доске приборов и, кажется, задела Михеева. Что же это? Откуда он взялся? Случилось непоправимое: их обстрелял блуждающий японский ночной истребитель. Михеев, кажется, ранен. А истребитель сейчас вернется, чтобы добить их. Зайцев автоматически сделал то, что должен был по инструкции сделать в такой ситуации каждый: резко сбросил высоту и отвернул в сторону. Кажется, его маневр помог. После пулеметной очереди ничего не было, только жужжание их моторов за корпусом, спокойное, размеренное.

Истребитель не возвращался. Они ушли. И вдруг Володя понял, что он, совершив маневр, сбился с курса и не знает сейчас, куда летит. Зайцев ясно видит, что доска приборов прошита очередью, левый бензобак тоже. Шкала гидрокомпас потухла, а Михеев молчит. Было слышно только, как бортрадист кричал в микрофон: «Полтава! Полтава, я – Гусь-один! Полтава, мы атакованы неизвестным самолетом!»

– Что они там? – спросил Зайцев.

– Рация к черту! – Сеня выругался. – Земля нас не слышит.

Зайцев перегнулся, тронул первого пилота за плечо:

– Товарищ капитан... Товарищ капитан!

Лицо первого пилота чуть повернулось. Володя увидел его глаза и понял, что командир экипажа мертв.

Гарамов некоторое время прислушивался. Так неожиданно обстрелявший их истребитель не возвращался. Судя по звуку моторов, «Дуглас» продолжает полет, а провал, который ощутил Гарамов, верней всего был маневром пилотов. Сергей оглядел носилки. Раненые лежали в тех же позах, только ближний к ним с Викой Левашов повернул голову в ту же сторону, где исчез свист. Послушал и снова лег прямо. Арутюнов, сидевший у передних носилок, оглянулся на Гарамова и открыл дверь кабины пилотов. Спросил что-то, исчез там. В глазах Вики мелькнул страх, но она держалась молодцом.

– Что это было? – спросила она.

– Ничего страшного, Вика. Думаю, какой-то ошалевший японец выпустил по нашему самолету очередь. И все. Такое бывает. Посидите здесь, посмотрите за ранеными. Хорошо?

Вика все еще ждала чего-то от него, но он уже пробирался к кабине пилотов. Там было темно, горела только маленькая лампочка над разбитой панелью приборов. Есть раненые? Он взгляделся: второй пилот, будто ничего не случилось, сидит за штурвалом. Над первым, сползшим с кресла, склонился Арутюнов.

– Что с ним? – спросил Гарамов.

– Мертв, – процедил, не оборачиваясь, военврач.

Рядом склонились над Михеевым штурман и бортмеханик. Радист пытался что-то сделать с рацией.

– Несколько пулевых ранений. В голову и шею, – продолжил Арутюнов.

Гарамов повернулся:

– Остальные целы?

– Целы-ы! – бортмеханик зло затряс головой.

– Они его – сразу! – всхлипнул второй пилот. – С-сволочи!

Вдруг Гарамов понял, что лейтенант плачет. Плачет, кажется, уже давно. И когда Гарамов заглянул сюда, лейтенант плакал, продолжая вести самолет.

– Что с машиной? – спросил Гарамов. – С курса не сбились?

Лейтенант не отвечал, некоторое время приходя в себя. Кашлял, облизывая губы. Наконец сказал, обернувшись:

– С курса... вы что, шутите? Командира убили.

Гарамов пытался понять, что же из себя представляет этот лейтенант. По виду хоть и молод, но злой. Где-нибудь во дворе, да и потом, в училище, скажем, такие обычно верховодят. А вот здесь, в деле, что будет – неизвестно. Невидящими глазами встретив взгляд Гарамова, лейтенант отвернулся. Сказал в пространство:

– А вы у штурмана спросите насчет курса.

Гарамов повернулся к штурману, веснушчатому здоровяку с толстенной шеей. Тот пожал плечами:

– Половина приборов сгорела, компас выведен из строя, рация разбита. Левый бензобак пуст.

Лейтенант ладонью вытер со щек слезы:

– Когда я от него уходил, высоту сбросил, заложил вираж. А теперь как слепой котенок.

Гарамов посмотрел на радиста. Маленький, чернявый, с большими девичьими ресницами, он молча снял наушники:

– Буду делать все, что могу. Но рации, считайте, нет. Яйцо всмятку это теперь, а не рация.

На вид бортрадисту лет двадцать пять, штурману – около тридцати.

– Нам теперь, товарищ капитан, остается только ждать, когда ночь кончится. А заодно и облачность пройдет.

Бортмеханик, имевший погоны только с одной маленькой звездой, но на вид выглядевший старше всех, вздохнул:

- И тянуть на всю катушку на одном баке.
- Вот только куда вытянем. – Радист снова надел наушники и взялся за ручку настройки.
- Что, определить курс никак нельзя? – Гарамов обращался сразу ко всем.
- Когда выйдем из облаков, посмотрю по звездам, – ответил штурман.
- Мы что, можем не выбиться?
- В лучшем случае, думаю, мы все-таки летим на северо-восток, – сказал штурман.
- А в худшем?
- В худшем куда угодно. Вслепую летим.
- С бензином совсем плохо?
- На час-полтора хватит, – сказал бортмеханик.

Некоторое время Гарамов прислушивался к шуму моторов. Ему было жаль первого пилота, хотя его совсем не знал.

- Не выйдем, – сказал штурман. – Все заложило.

В кабину заглянула Вика. Арутюнов кивнул ей. Вдвоем они осторожно сняли тело первого пилота с кресла, положили сбоку, укрыв плащ-палаткой.

– Слушайте, товарищ капитан, не переживайте вы, – сказал штурман. Гарамов все никак не мог привыкнуть к его оскалу, к тому, что он как будто улыбался при каждом слове. – Идите к раненым. Мы тут сами разберемся.

Гарамов вернулся к скамейкам. Через несколько минут из кабины вышли Вика и Арутюнов. Медсестра села рядом с ним. Повернулась, и Гарамов вдруг совсем близко увидел ее глаза.

- Мы долетим? – тихо спросила она.
- Вот что. Вот что, Вика. Соберитесь. Вы понимаете – соберитесь.

Она кивнула, будто все еще спрашивая его о чем-то, и он увидел по ее глазам, что она все поняла, но сумела как-то справиться со своим страхом и со своей растерянностью.

- Хорошо, я соберусь.

Еще раз, на всякий случай, он показал ей глазами: держись! Посмотрел на часы. Было десять минут третьего, и он попытался прикинуть, что может произойти теперь, когда они сбились с курса. Бензина осталось на час, пусть даже на полтора. Ясно, что все это время они будут лететь над территорией противника. Примерно минут через сорок начнет светать. Скажем, если штурман прав и они не слишком удалились от начального курса восток – северо-восток, то с рассветом, определив точнее, где они находятся, они вполне могут дотянуть до занятой нашими войсками территории где-то в районе Муданьцзяна. И сестра уже в расположении своих. А если нет? Что тогда?

Исидзима проснулся и прислушался. Он явственно услышал далекий гул самолета, который долго приближался к нему, пищал, как назойливая муха, не уходил. Наконец он понял, что это не во сне. Открыл глаза. Привычно напрягся, всматриваясь и вслушиваясь.

За окном было темно, но уже неуловимо угадывался рассвет – в бликах, пробивавшихся сквозь ночные сумерки, в шуме ветра, тихих и легких всплесках моря.

Он посмотрел на часы: двадцать минут четвертого. Снова прислушался. Гул самолета медленно приближался и скоро стал совсем близким. По звуку Исидзима попытался угадать тип самолета. Тяжелый бомбардировщик? Нет, тот ревет, а этот, скорее, ноет – тягуче, с ритмичными усилениями. Штурмовик? У штурмовиков – и американских, и японских – совсем другой звук.

Исидзима потянулся к брюкам. Осторожно, чтобы не помять складки, надел их, продолжая слушать. Похоже на транспортный самолет, и, кажется, «Дуглас». Точно, он. И совершенно ясно, что самолет летит в одиночку. Скорее, это или американцы, или русские. Десант? Только

вряд ли его будут выбрасывать с одного самолета. Тогда что же ему может понадобиться здесь, над пустынным побережьем? Исидзима быстро оделся. Может быть, американцы хотят высадить здесь спецгруппу. Такое уже бывало, правда не здесь, а дальше, у Аньдуна, и их быстро накрыли. Исидзима натянул туфли. Нашупал на спинке стула и повязал на ошупь галстук. Прошел в прихожую. Сначала он надел пояс с пистолетом, потом фрак. Выскользнул в коридор. Все тихо, отель спит, только справа слышен совсем уже близкий звук приглушенных моторов. Самолет идет на посадку? Да, они явно идут на посадку. Наверное, знают, что вдоль пляжа тянется годная для посадки, плотная, будто специально утрамбованная лента поросшего бурьяном глинозема. Эта полоса учитывалась при постройке отеля.

Исидзима спустился вниз, достал ключ, открыл запасный выход. Сразу за дверью, подходя вплотную, начинались густые заросли бамбука вперемешку с кустами олеандра. Выскользнув, он двинулся между стволами и остановился у кромки рощи. Он был надежно скрыт густой кустарниковой порослью.

Садятся. Исидзима увидел самолет, идущий на посадку. Колеса выпущены. Вот брюхо самолета опускается все ниже, ниже. Колеса почти касаются земли. Пока он не видит на «Дугласе» никаких опознавательных знаков. Подумал: кого в отеле может заинтересовать звук приземляющегося самолета? Официантов? Нет, они просто отметят это про себя. Масу? Да, как человек Цутаки, Масу наверняка примет это к сведению. Генерала Исида? Генерал может проснуться, последнее время он страдает бессонницей. И генерала Ниитакэ, хотя тот обычно спит как убитый.

Самолет, несколько раз ударившись о кромку пляжа, наконец грузно приземлился и тяжело помчался к отелю. Ход его постепенно замедлялся, и Исидзима видел, что машина приближается к отелю все тише, тише и тише. Остановилась. Пропеллеры несколько раз дернулись и застыли. «Дуглас» стал примерно в двухстах метрах от того места, где стоял Исидзима.

Прошло пять, десять, двадцать минут. В зарослях снова начали трещать птицы. Он внимательно следил за дверью самолета, но никто не выходил. И все-таки если кто-то выйдет, надо остаться незамеченным. Он отступил назад и пошел боком, неслышно скользя между стволами. Так Исидзима подошел почти вплотную к самолету. От крыла его теперь отделяло метров пять. Увидеть его сквозь листву невозможно, но все-таки он на всякий случай отступил еще на метр вглубь. Никаких знаков на самолете нет, только ровная защитная краска. Чей же это все-таки самолет? Японский? Американский? Русский? Не надо сбрасывать со счетов Цутаки – это вполне могут быть его штучки. Хорошо, вариант первый – самолет связан с Цутаки и его людьми. Но Цутаки любит работать тихо, без шума. Что еще? В любом случае вряд ли это десант. Иначе те, кто в самолете, давно бы уже вышли. Может быть, это вынужденная посадка американского или русского транспортника, летящего с каким-то спецзаданием, поэтому и нет опознавательных знаков?

По звуку моторов и по взгляду, брошенному вторым пилотом на бортмеханика, Гарамов понял: бензин на исходе. Он стоял в кабине пилотов и смотрел вниз, пытаясь понять, где же они находятся. Еще не рассвело, но все-таки можно было различить, что внизу, справа, до самого горизонта тянется темное серое пространство, и он догадался, что это вода. Прямо под ними, чуть слева по курсу, колебалась белой изогнутой линией пена прибрежной полосы. Весь этот берег, отгороженный видневшейся вдали горной грядой, казался безлюдным, хотя вдоль него и тянулось что-то похожее на дорогу. Никаких строений на земле поблизости Гарамов не видел, только ровные квадратики полей, перемежаемые зарослями и пустырями. Экипаж сидел на своих местах.

Сергей понимал, что все пытаются сейчас сообразить, какое внизу побережье. Корейское? Или наше? Если самолет не очень сбился с курса и продолжал лететь к востоку и только сейчас свернул к северу, значит, справа по курсу самолета Японское море.

– Где же это мы, а, братцы? – спросил радист.

– Японское море, – сказал сидящий рядом с Гарамовым бортмеханик.

– А Желтое не хочешь? – Штурман насмешливо посмотрел на него.

Бортмеханик, вместо ответа, посмотрел на второго пилота.

– Бензина уже нет. – Второй пилот выругался сквозь зубы, вглядываясь вниз. – Летим на честном слове.

– Хибара какая-то, смотрите. – Штурман чуть привстал.

– Угу. Охотничий домик. Прямо по курсу.

Гарамов посмотрел туда, куда вглядывался штурман, и увидел далеко впереди, у горизонта, у самой кромки моря казавшееся отсюда крохотным строение. Что-то небольшое, похожее на жилой дом. Кажется, там есть еще какие-то домики поменьше, но их скрывают заросли.

– Надо садиться, – сказал бортмеханик.

– Чужая территория, – заметил радист.

– Лучше места все равно не выберешь.

– А хибара? – спросил штурман. – Место-то хорошее, только хибара.

Все замолчали, вглядываясь в проплывающую внизу кромку пляжа.

– Иду на снижение. – Второй пилот чуть опустил штурвал.

Да, если бензина нет, его можно понять. Гарамов сразу ощутил наклон. Земля стала приближаться. Ближе, ближе. Ну что ж, садиться так садиться. Надо исходить из новых обстоятельств. Сейчас Гарамов хорошо различал пронесившиеся совсем близко под самолетом заросли бамбука, пустыри, покрытые травой, а ближе к морю – резко очерченную белой пеной песчаную полосу пляжа. Пилот нажал рычаг – внизу зашумели выпускаемые шасси.

– Как будто глинозем, – вглядывался штурман. – Володенька, ты понял? Пронесло.

Пилот не ответил. Лицо его было сейчас потным; оскалившись, он вгляделся в несущуюся навстречу землю, чуть заметно двигая штурвалом. Все молчали, понимая, что сейчас, через несколько секунд, последует толчок о грунт. Вот он. Самолет встряхнуло, подбросило, снова встряхнуло. Сели. Все облегченно вздохнули. Корпус самолета мелко дрожал, но эта дрожь была теперь уже от того, что колеса мчались по земле. Гарамов ясно различил быстро приближавшееся к ним светлое трехэтажное здание.

– Охотничий домик к нашим услугам. – Штурман промокнул обшлагом рукава пот на лбу.

Здание впереди стремительно приближалось, летело прямо на них, но Гарамов почувствовал, что они остановятся ближе. Да, вот ход самолета замедлился, стал тяжелым. Штурман тяжело вздохнул.

– Порядок.

– Сели, не верится просто. – Бортмеханик будто убеждал в этом самого себя.

Наступила тишина.

После жужжания моторов, все еще стоявшего у него в ушах, наступившая тишина сначала показалась Гарамову глухой, бесшумной до болезненности, будто уши залепило пластилином. Только привыкнув, он понял, что эта тишина была фоном, состоявшим из многих звуков. Он прижался к окну лбом; в рассветных сумерках неясно слышался шум листвы, плеск воды, крик вспугнутых самолетом чаек. В трехэтажном доме, находившемся теперь совсем близко, метров за двести, три окна были открыты, а дальше, за домом, он разглядел что-то вроде солярия и у самой воды – вышку, напоминавшую маяк. За вышкой причал, у которого стояли лодки и катера.

– Готовь бердан... – начал было штурман, но не закончил. Гарамов, резко обернувшись, сунул к самому носу кулак:

– Ш-ш-ш... Молчите!

Штурман понял и послушно кивнул. Гарамов жестом показал остальным: всем молчать, пока я осмотрюсь. Переглянувшись, экипаж затих, и Гарамов снова приложился к стеклу. Вглядывался. Взял бинокль.

Прежде всего он попытался понять, что представляет собой здание, стоявшее метрах в двухстах от самолета. Оно показалось ему странным: европейское по архитектуре, но по завиткам и узорам у окон, по разбросанным кое-где на стенах выпуклым иероглифам оно явно было корейским, китайским или японским. Прямо от фасада здания к морю вел хорошо ухоженный сад – с выделенными группами кактусов и розарием. Еще раз оглядев его, Гарамов отметил вкрапления вишневых и сливовых деревьев, магнолии и дальневосточную карликовую березу. Сад богатый, подумал он, и за ним хорошо следят. Сзади, за зданием, в обе стороны тянулись густые заросли бамбука. Как раз оттуда, из этих зарослей, и доносился резкий предутренний гомон птиц. Если это чужая территория, то хорошо бы понять, кто в этом доме – гражданские или военные. Сам дом, если бы не открытые окна, показался бы Гарамову безжизненным. Чужая территория, подумал он. И скорее всего – корейская. В Северной Корее население смешанное, там живет много китайцев. Это наверняка какой-то пансионат или гостиница. Вот только кто в ней? Если бы знать! Хорошо, если гражданские. Во всяком случае, судя по безжизненному пейзажу, народу там немного. А у них – экипаж. Шестеро, не считая Вики. Причем пятеро офицеры. Как-никак это уже боевой отряд. «Ладно, – подумал Гарамов, – надо выйти и узнать, что это за здание. И все это тихо и аккуратно». Он прикинул: дверь самолета с левого борта, обращена как раз к бамбуковой роще. От двери до зарослей примерно метров десять – двенадцать. Их он проскочит, а дальше уже бамбуковая роща, которая тянется до самого здания. Если в доме живут гражданские, все будет легко. Гарамов обернулся, сказал шепотом:

– Позовите врача и медсестру.

Радист выскользнул и скоро вернулся с Арутюновым и Викой. Вика сразу же чуть не выбила его из собранного состояния. Осмотрев всех шестерых, Сергей произнес шепотом:

– У кого есть оружие, прошу достать.

Четверо офицеров – Арутюнов, второй пилот, бортмеханик и штурман – достали четыре ТТ. Радист, нагнувшись, вытащил из-под сиденья карабин. Гарамов приготовил два своих пистолета – казенный ТТ и личный парабеллум. Этот трофейный работяга, хорошо отлаженный и пристрелянный, в его руках практически не знал промаха. Кроме того, в голенищах сапог Гарамов, памятуя довоенную специальность, всегда носил две финки.

– У меня нет оружия, – будто извиняясь, сказала Вика.

– Стрелять умеете? – спросил он, будто проверяя, можно ли ей доверить оружие.

Она твердо встретила его взгляд:

– Умею, товарищ капитан.

Так же, как и он, Вика говорила шепотом. Может быть, она и в слона с двух метров не попадет, подумал Гарамов, но все же протянул ей ТТ. И по тому, как она легко, без боязни взяла его, понял, что она действительно умеет обращаться с оружием.

– Товарищи. Прошу всех понять серьезность положения.

Гарамов сказал это, глядя в глаза поочередно в каждого. Он понимал, что сейчас перед ним не бог весть какие умельцы по части боя. Четыре летчика, врач и медсестра. Люди, наверняка знающие дело на своем месте, вряд ли имеют понятие, как правильно действовать в тылу врага, в неизученной обстановке.

– Объяснять что-нибудь считаю лишним. Скорее всего, мы на территории противника, поэтому объявляю всех вас боевым отрядом и, как имеющий полномочия по полету, беру командование на себя. Прежде всего нужно выяснить, где мы сели. На разведку пойду я, здесь, в самолете, старшим останетесь вы, капитан.

Штурман кивнул.

– Прошу продумать и рассредоточить людей по самолету. Выберите наиболее удобные для обзора берега и здания точки. Вернусь через полчаса. Если по истечении этого срока меня не будет – значит, со мной что-то случилось. Условные знаки: если я появлюсь в виду самолета и сниму фуражку – положение относительно спокойное и угрозы нет. Если же вы увидите меня с фуражкой на голове, то, что бы там ни было, это сигнал опасности и надо готовиться к бою.

Все шестеро смотрели на него. Белобрысый второй пилот смотрел прищурившись и с некоторой отчаянностью. Арутюнов, как и раньше, был весь в себе, его плавающие глаза закатились под лоб, а узкие губы поджались еще больше. Жизнерадостный штурман, спрятав на этот раз улыбку, держал пистолет перед собой, будто готовясь стрелять. Глаза пожилого бортмеханика слезились, и вообще он изо всех сил крепился – ему, наверное, не мешало бы соснуть. Радист, который смотрит на него сейчас, моргая своими длинными ресницами, может быть, и разбирается в средних и длинных волнах, но от его карабина, если дело дойдет до схватки, толку будет мало. Отдельно Гарамов выделил Вику. Было видно, что она совершенно точно имела раньше дело с оружием, занималась в каком-нибудь стрелковом кружке. Пока Гарамов давал инструкции, она быстро проверила обойму и привычно поставила на место предохранитель.

– Ясно, товарищ капитан, – сказал штурман.

– Кто-нибудь закройте за мной дверь.

Бортмеханик пошел вместе с ним. И когда Гарамов открыл выходившую к роще дверь, младший лейтенант тронул его за плечо: удачи. Гарамов кивнул. Спрыгнул в дверной проем на песок. Немедля, почти не выпрямляясь, быстро, в два прыжка проскочил в рощу, подумав на бегу, что эти заросли, подходившие вплотную к зданию и скрывавшие его, просто подарок. Стволы бамбука в роще стояли тесно. Теперь, укрытый толстым перепончатым тростником, Гарамов чувствовал себя как рыба в воде.

Постояв около минуты и прислушиваясь, он попытался понять – изменилось ли что-то в окружающих звуках. Нет, как будто бы не изменилось. Все так же кричали птицы, так же, как раньше, шуршала листва перемежающихся бамбук кустов. Он осторожно достал из-за голенища финку. Привычным движением спрятал в левый рукав. Правой рукой вынул парабеллум и стволом отогнул ближнюю ветку. Бесшумно двинулся вперед. Он шел настороженно, на каждом шагу останавливаясь и вслушиваясь. Он подходил к зданию шаг за шагом, метр за метром и, подойдя вплотную, так же, метр за метром, стал изучать стену. Увидел: метров за пятнадцать в задней стене чуть приоткрыта инкрустированная, выложенная перламутром дверь с изображением птиц и цветов. Да, здание богатое. Разглядывая затейливую инкрустацию, он вдруг уловил в шуме листвы посторонний звук.

Звук раздался впереди, и он напрягся, вслушиваясь. Тут же напряжение спало, он в сердцах выругался про себя. Между стволами бамбука к двери кралась большая обезьяна. Судя по движениям, она была ручной. Гарамов отогнул ветку стволом парабеллума и тут же ощутил тупой удар по голове. «Слабо бьют», – подумал он, пытаясь повернуться и ответить контрударом. Но его ударили снова, и он потерял сознание.

Когда Гарамов открыл глаза, первым его ощущением была боль. Попытался повернуть голову и еле сдержал стон. Казалось, затылок был каменным. Где же он? Большая комната, шторы. Он полулежит в кресле. Гарамов попытался поднять руку, но рука не поднималась. Дернулся всем телом и понял, что связан.

– Извините, – сказал над ним голос с сильным акцентом. – Пожаруста, тихо.

Вспомнилось: приоткрытая инкрустированная дверь, орангутан. Два тупых удара по голове. Гарамов скосил глаза: кресло, фигура в кресле. Он встретился глазами с человеком, сидящим в двух метрах от него, их отделял только низкий стеклянный столик. У этого человека узкое лицо. Скулы почти не намечены, кожа смуглая, но в меру – ее можно даже назвать

светлой. Глаза не раскосые, нос с горбинкой. Но в то же время ясно, что это японец, хотя одет непривычно для конца войны: белая манишка, галстук-бабочка, фрак. Так одеваются метрдотели. «Пожаруста, тихо». В японском языке нет звука «л». Да, это японец. Гарамов оглядел комнату: что-то вроде гостиничного номера с небольшой прихожей. Широкое окно, шторы с рисунками, полированная мебель, на стеклянной столешнице две фарфоровые чашки, скорей всего с чаем, и телефон. Японец широко улыбнулся, показав белые плотные зубы. Гарамов дернулся, но оказалось, что он привязан и к креслу. Человек, не вставая, чуть поклонился:

– Извини-це. Меня зовут Исидзима. Исидзима Кэндзи, директор этого отеля.

Некоторое время японец наблюдал, как пленник дергается, пытаясь ослабить веревки. Гарамов хотел узнать, сможет ли он, изловчившись, ударить японца в живот связанными ногами. Нет, оторвать ноги от кресла невозможно. Веревки плотно впивались в запястья, плечи, икры, бедра, не давая шевельнуться. Дернувшись несколько раз, Гарамов ощутил бессильную мрачную ярость. Влип, так глупо влип! Если бы не обезьяна, которая его отвлекла, он бы что-то услышал. Этот японец живой человек, а не тень. Он не мог подойти к нему сзади совершенно бесшумно.

Японец опять вежливо улыбнулся:

– Напрасные усилия. Пожаруста, как можно скорей сообщите мне, что у вас в самолете?

Гарамов молчал, пытаясь сообразить, кто же этот человек. Из контрразведки? Но тогда бы его допрашивали с пристрастием. А если это не контрразведка, то кто?

Японец придвинул к Гарамову чашку:

– У нас очень мало времени. Выпейте чай. Что у вас в самолете?

– Десант, – сказал Гарамов, ощущая свой каменный затылок.

Японец покачал головой, будто сожалел о чем-то. Достал из карманов и положил на стол парабеллум Гарамова, две финки, документы.

– Очень сожалею, но я уже знаю вашу фамилию. Вы ведь господин Га-ра-мов? Или как у вас – то-ва-рищ Гарамов? Гарамов-сан?

Надо прежде всего успокоиться, а потом уже думать, что делать. Ярость, которую он сейчас испытывал, бессильная злоба на этого японца оттого, что он легко, как котенка, связал его, – все это надо было сейчас притушить. Среди прочих документов на столе лежало предписание о том, что ему, капитану Гарамову, поручено сопровождать группу в составе пяти раненых, пяти членов экипажа, врача и медсестры. И все это теперь известно. Хорош же он, не оставил документы в самолете.

– Развяжите меня немедленно, – сказал Гарамов. – За свои действия вы будете в полной мере отвечать перед советским военным командованием.

Японец покачал головой:

– Поверьте, то-ва-рищ Гарамов, или господин Гарамов, или Гарамов-сан, как вам приятней, – я глубоко сожалею, что мне пришлось связать вас. Но это вынужденная мера, применил я ее только для вашей же пользы. Поверьте мне.

Увидев легкую улыбку японца, Гарамов снова ощутил ярость. Японец сожалеюще причмокнул. Немыслимая тяжесть в затылке. Ничего, в конце концов, сейчас важно не это. Все это пустяки. Важно узнать, кто же он, этот фрячник. Он очень похож на военного, а фрак – на маскарад.

– Повторяю: если вы немедленно не развяжете меня, вы пожалеете об этом.

– Я развяжу вас, господин Гарамов, как только вы скажете мне о цели вашего прилета сюда и о том, что или кто находится у вас в самолете. – Японец оскалил в улыбке зубы. – Кто вы сами, я догадываюсь.

Он прочел документы, это ясно, и все отлично знает о раненых.

– Я уже сказал: я представитель советского военного командования.

– Сожалею, но это неправда, господин Гарамов. Я прочел документы. Умоляю, не оттягивайте время, господин Гарамов. Мы говорим уже три минуты, а у нас на счету каждая секунда. Контрразведчики безусловно засекли ваш самолет.

«Контрразведчики засекли ваш самолет». Что это значит? Гарамов мучительно пытался понять, кто же этот японец. А может быть, он в самом деле хочет ему помочь? Ничего себе помочь – связал. Освободиться от веревок невозможно. «Директор отеля...» Как бы не так.

Таких «директоров» в любой разведке и контрразведке – пруд пруди. Судя по тому, как японец бесшумно подкрался сзади, и по удару, – это профессионал.

– Я жду, господин Гарамов. Чем скорее вы доверитесь мне, тем будет лучше и для вас и для меня.

С другой стороны, если этот японец из разведки, то он давно бы уже стал его пытать.

– Что в самолете? Спецгруз? Если вы молчите – значит, там спецгруз. Учтите, разговаривая с вами так, я многим рискую.

Он ведь знает, что в самолете. Знает по документам. Тогда почему спрашивает? Хочет убедиться?

– В самолете хорошо вооруженный десант, – медленно сказал Гарамов. – Если в течение десяти минут я не вернусь на борт самолета, десант начнет боевые действия. Вы сказали, что мы говорим три минуты. Считайте теперь сами, сколько вам осталось спокойной жизни.

Японец расплылся в улыбке:

– Господин Гарамов, вы профессиональный разведчик. Это можно понять по тому, как вы вошли в рощу, двигались, как вели осмотр, и даже по этим ножам и трофейному парабеллуму. Так вот, как разведчик, ответьте мне: если в самолете действительно отряд, то какой мало-мальски опытный десантник выпустит на разведку одного человека? Без подстраховки, господин Гарамов? Ведь это железное правило, и вы его отлично знаете.

Следя за лицом и жестами японца, Гарамов чувствовал, что тут что-то не то. Только вот что именно, не понимал.

– Извините, господин Гарамов. Я вижу, что вы хотите что-то спросить. Спрашивайте.

Кажется, затылку стало легче. Хорошо, надо поиграть с ним в его игру. Поиграть, прикинуться, что он ему верит, а там будет видно. А может быть, это действительно не игра?

– Сначала развяжите меня.

Японец вначале подумал о чем-то, потом присел на корточки. Стал не спеша распутывать веревки. Почему он так спокойно развязывает его? Может быть, за дверью охрана? Если это так, а в парабеллуме есть патроны, – дешево он свою жизнь не отдаст. Впрочем, охрана или агенты могут быть и не за дверью. Где? Вот именно – где? Да в самой комнате, за шторами, в тайниках, где угодно.

Наконец японец развязал последний узел. Вдохнул. Бросил веревки на пол.

– Берите ваше оружие и документы. Они в полной сохранности.

Гарамов взял со стола парабеллум, проверил обойму. Патроны на месте. Не опуская пистолета, взял ножи, спрятал их за голенища. Проверил документы – они были в полном порядке. Японец осторожно, вместе с блюдцем, приподнял одну из чашек, отхлебнул.

– Господин Гарамов. В вашем самолете я видел пробоины – значит, он был обстрелян. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что вы совершили здесь вынужденную посадку. Ну и, если уж до конца, у вас не очень хорошо с горючим. Учитывая ваше тяжелое положение, я готов помочь вам, естественно, на определенных условиях.

Гарамову прежде всего надо было узнать, где они приземлились. И он спросил:

– Где мы находимся?

– Это Ляодунский полуостров, побережье Желтого моря, Западно-Корейский залив, между Дайреном и Люйшунем, или, по-вашему, Порт-Артуром. Примерно в двадцати километрах от Дайрена.

Так. Значит, если японец не врет, после нападения истребителя они всю ночь летели к югу и сейчас находятся в глубоком тылу японцев.

– Что это за здание?

– «Хокуман-отель». Место отдыха высшего состава командования японской армии.

– Если это так, то оно должно охраняться?

– И очень тщательно.

– Я что-то не заметил охраны.

Японец улыбнулся:

– Увы, она снята по приказу командования сразу после начала наступления ваших войск.

Конец войны, некого охранять. В моем отеле сейчас всего двое постояльцев.

– Интересно, кто?

– Генерал Ниитакэ Минору и генерал Исидо Такэо.

Гарамов внимательно посмотрел на японца.

– Генерал Ниитакэ – шеф разведки Маньчжоу-Го?

Японец чуть нагнул голову.

– А генерал Исидо – начальник третьей канцелярии? Тот, что отвечает за подготовку агентуры?

– Совершенно верно.

Ну и ну. Если японец не врет, то в этом логове два наиболее интересных высших офицера японской разведки... А собственно, оборвал эту мысль Гарамов, почему этот Исидзима должен врать?

– Зачем вы мне все это говорите?

Японец встал и подошел к окну. Некоторое время рассматривал полосу приборя. Выправка у него действительно настоящего метрдотеля.

– Мы оба, господин Гарамов, отлично знаем, что война Японией проиграна. Я хочу всего-навсего спасти свою шкуру. Только и всего. Не скрою, во время войны мне удалось кое-что заработать. Но вывезти это «кое-что» нельзя, тем более что это довольно громоздкие вещи. Картины, статуэтки, предметы старины. Для неопытного глаза вокруг отеля действительно нет охраны. Но я знаю, что все подходы к отелю тщательно блокированы агентами контрразведки. Сами понимаете, что это такое – люди ранга Исидо или Ниитакэ. Даже непроезжая местность в обе стороны к Дайрену и Люйшуню прочесывается спецотрядами. По морю уйти невозможно – не на прогулочном же катере. В этой ситуации ваш самолет становится единственным шансом моего спасения.

– Вы хотите лететь к нам?

– А почему бы и нет? Не совсем к вам, но с вами. Я прочел документы, в которых указано, что вам поручено сопровождать пятерых раненых, ясно, что им ваше командование придает особое значение. Не буду допытываться какое. Меня интересует лишь ваш самолет и то, что на нем можно улететь. Не думайте, что я добрый самаритянин. Я не тешу себя напрасными иллюзиями и отлично понимаю – ваши власти, попади я к ним, не посмотрят на мое право собственности. В лучшем случае я буду объявлен военнопленным, в худшем – военным преступником. Все мои ценности, естественно, будут реквизированы. Чтобы этого не случилось, я предлагаю вам сделку. Джентльменский договор с гарантиями. Как вы на это смотрите?

– Мне надо знать ваши условия.

– Мои условия: я достаю вам горячее и все необходимое, снабжаю продуктами, медикаментами, вызываю, если надо, мастеров, чтобы исправить повреждения. Взлететь здесь нетрудно: по той же самой полосе глинозема, на которую вы приземлились. За эту помощь вы берете меня на борт. Но не одного. Со мной должен полететь небольшой обслуживающий персонал, скажем, три-четыре человека, и один из генералов. Исидо Такэо. Ну и, естественно, мой груз. Вы летите туда, куда вам надо, единственное условие – на этом пути мы делаем

короткую посадку в месте, которое я укажу. Предупреждаю: если вы помешаете мне совершить эту короткую посадку, я, рискуя погибнуть, взорву самолет. Надеюсь – это предупреждение излишне и вы будете благоразумны.

– А кто даст гарантию, что во время этой посадки вы не устроите засаду?

– Гарантией, что во время этой посадки вы можете не опасаться засады, будет то, что я сойду один, оставив вам генерала Исидо. Думаю, шеф японской агентуры в Азии – достаточно серьезная компенсация за мое спасение.

Гарамов некоторое время цеплялся к деталям, пытаясь понять, где может быть подвох. План, который ему предлагает этот японец, действительно продуман. Если подвох, то что они могут сделать? Захватить самолет? Нет, он им этого не даст, хотя отлично понимает, что за «обслуживающий персонал» сядет в самолет. Допустим, они посадят в самолет не генерала Исидо, а его двойника. Но это уже детали. В целом то, что предлагает японец, пока устраивает Гарамова. Ведь сейчас, в этой ситуации, им надо только одно – взлететь. А дальше уже будет легче. Если они получают горючее и починят приборы, то все остальное решится по ходу дела. Захватить же самолет он им не даст.

– Что скажете, господин Гарамов? Вы принимаете мои условия?

Японец приблизился к нему вплотную, и Гарамов увидел жесткие, спокойные глаза. Конечно, он принимает его условия. Потому что этот японец явно переоценивает свои силы.

– Принимаю.

– Тогда мы должны спешить.

– Что нужно делать?

– Прежде всего, чтобы вы могли свободно передвигаться, пока я буду доставать бензин и снаряжать самолет. Вам необходимо переодеться: фрак, крахмальную манишку, галстук, лаковые туфли. Так одеты все мои сотрудники, работающие здесь официантами. Если явится контрразведка, я скажу ей, что «Дуглас» вызван по распоряжению генерала Исидо, а вы – мой новый сотрудник.

Гарамов прикинул про себя все, что услышал. Кажется, японец говорит дело. И все-таки он еще раз проиграл – нет ли в этом предложении переодеться ловушки.

– Какой размер обуви вы носите? – спросил японец.

– Сорок второй.

Японец снял трубку. Сказал что-то по-японски. Вслушиваясь, Гарамов попытался разобрать, что он говорит, но из долгого разговора понял только одно: японец просил что-то принести. Заметив, что Гарамов прислушивается, японец положил трубку и улыбнулся:

– Как я понимаю, вы не очень хорошо говорите по-японски?

– Совсем немного.

Японец покачал головой:

– Среди моих официантов есть два семеновских офицера. Они хорошо знают китайский и в случае чего помогут. Вы помните, как меня зовут?

– Исидзима Кэндзи.

– Совершенно верно, но для вас я Исидзима-сан, и не иначе. В присутствии других вы должны обращаться ко мне с почтением: прижав ладони к бедрам, опустив глаза и кланяясь. Вот так. – Японец поклонился.

– Я примерно представляю, – сказал Гарамов.

– Отлично. А теперь снимите свою одежду.

Гарамов посмотрел на японца. Тот улыбнулся:

– Никто не должен видеть, что вы советский офицер. Извините, господин Гарамов, но это необходимо.

Гарамов, не сводя глаз с японца, сел. Стянул сапоги, снял китель, брюки. В дверь постучали. Исидзима подошел к двери, спросил тихо:

– Кто там?

Услышав ответ, показал Гарамову: спрячьтесь за дверь. Потом повернул ключ. В щель было видно: вошел невысокий блондин во фраке. В одной руке он держал стопку одежды, в другой – пару лакированных туфель. Исидзима взял у него все и, коротко кивнув, сказал:

– Подождите в коридоре, господин Корнев.

Блондин молча поклонился и вышел. Исидзима протянул Гарамову одежду. Стал наблюдать, как Гарамов одевается.

– Галстук повяжу я, – предупредил он, когда Гарамов стал оглядывать себя в зеркале.

Подождав, пока Гарамов наденет фрак и завяжет шнурки на туфлях, Исидзима чуть отступил. Поморщился:

– Выбриты вы плохо. – Он некоторое время стоял, раздумывая. – Ладно, сойдет. Свой парабеллум можете спрятать за пояс.

Пока Гарамов прятал документы и оружие, Исидзима повязывал ему галстук. Осмотрев работу, подошел к двери, открыл ее, сказал по-русски:

– Господин Корнев!

Блондин, войдя, поклонился.

– Познакомьтесь: господин Корнев – господин Гарамов.

Все это Исидзима сказал совсем другим тоном: брезгливо, жестко и отрывисто.

– Господин Корнев, этот человек прибыл со специальным самолетом, который стоит сейчас у отеля. Прошу во всем помогать ему. Вы поняли?

Корнев поклонился, косясь на Гарамова.

– Прежде всего отведите его в комнату обслуживающего персонала. Накормите, если он этого захочет. Ночной завтрак готов?

– Так точно, Исидзима-сан.

– Хорошо.

Корнев вышел. Исидзима сказал тихо:

– Сейчас я пойду к генералу Исидо. У нас должен состояться важный разговор. Ему я скажу, что достал специальный самолет, чтобы вылететь отсюда. Что вам нужно для того, чтобы взлететь? Говорите коротко. Горючее – сколько? На полную заправку?

– Да.

– Что еще?

– Исправить рацию и навигационные приборы.

– Достаточно ли будет для этого одних материалов или надо вызвать специалистов с аэродрома?

– Думаю, экипаж исправит сам.

– Хорошо. Но для верности я попробую достать рацию и необходимые приборы. Пока Исидо еще обладает властью и может приказать, чтобы сюда доставили все, что надо.

– Хорошо. На борту нашего самолета находятся врач и медсестра. Кому-то из них также потребуется посетить отель.

– Ваша медсестра молодая? Хорошенькая?

– Какое это имеет значение?

Гарамов удивленно посмотрел на Исидзиму. Нет, японец как будто говорит совершенно серьезно. Но ведь этот вопрос – хорошенькая ли медсестра – явно не к месту. И когда Исидзима приложил руку к груди, Сергей спросил:

– Повторяю, господин Исидзима, какое это имеет значение?

– Большое. В нашем отеле есть штатные девушки – японки, китайки, русские. Если ваша девушка более-менее прилично выглядит, я передам ей с вами на борт платье, которое обычно в нашем отеле носят русские девушки. Вы понимаете?

– Нет.

– Ваша медсестра, если потребуется, сможет выходить из самолета под видом моих девушек.

– Но при чем тут «молодая, красивая»?

Исидзима криво улыбнулся:

– Армейский вопрос, дорогой господин Гарамов, вы уж простите. Японская контрразведка, как вы выражаетесь, не лыком шита. Всему Ляодуну известно, что у меня здесь, в «Хокуман-отеле», собраны лучшие красавицы Маньчжоу-Го. Если, еще раз меня извините, ваша девушка будет некрасива – у контрразведки найдутся серьезные поводы для размышлений. Так она красива?

Гарамов пожал плечами:

– Да.

– Очень хорошо. Сейчас Корнев проводит вас в комнату официантов, и ждите меня там, а я иду к генералу Исидо.

Гарамов посмотрел на часы: с момента его выхода из самолета прошло двадцать семь минут.

– Не получится, господин Исидзима. Оставив самолет, я назначил контрольный срок. Он истекает через три минуты.

Исидзима внимательно посмотрел на него.

– Ну что ж, идите с Корневым, он даст вам платье для девушки – и можете пройти на самолет. Заодно сообщите вашим людям о нашем разговоре. Но чем скорее вы выйдете оттуда и вернетесь в комнату официантов, тем лучше.

Сразу же, как Гарамов оставил «Дуглас», штурман распределил всех, кроме Арутюнова и Вики, по постам. Сам он занял точку в средней части самолета. Радист и бортмеханик прошли в хвост и сели у иллюминаторов, второй пилот по собственному желанию остался в кабине. Этот пост каждый оценил про себя как самый трудный.

И наступил час ожидания и неопределенности, которые изматывают людей, изучивших войну. Они не любят тишины. Как ни храбрись, сколько шуток ни отпускай – все они по горькому опыту знают, что за этим обычно следуют бьющие в упор пулеметные очереди или рвущие людей в клочки разрывы снарядов. И сейчас, хотя снаружи все казалось мирным, тишина и уход Гарамова были тягостными. Но все терпели, только изредка кто-то из раненых просил пить или поворачивался. В таких случаях Вика склонялась над носилками, давала кружку с водой, поправляла повязку и шептала:

– Потерпи. Потерпи, милый. Сейчас перевязку будем делать.

Постепенно всем в самолете стало казаться, что главное – это и есть перевязка, которую обещала раненым Вика. Последним, кто видел, как Гарамов вошел в заросли, был радист, наблюдавший из хвостовой части за рощей. И теперь каждый раз, когда кто-то спрашивал его: «Ну как там, не видно капитана?» – радист отвечал разочарованным мычанием, которое звучало примерно так: «Ээ-а».

Все знали, что самый большой обзор открывается из кабины пилотов, обращенной к ясно уже различимой в рассветных сумерках стене. Штурман, наблюдавший из средней части за полосой прибоя и вышкой, часто заходил в кабину. Стараясь не смотреть в сторону мертвого Михеева, он на несколько минут застыл рядом со вторым пилотом. Оба всматривались в окна здания, в кусты роз и магнолий, в песчаные дорожки, полого спускавшиеся к пустому причалу.

– Все, – сказал в один из таких приходов штурман. – Пропал наш капитан.

И тут оба увидели идущего по дорожке от здания Гарамова. Но так как капитан был во фраке, летчики сначала не узнали его. Переглянувшись, оба медленно подняли пистолеты.

– Официант какой-то, – шепотом сказал второй пилот. – Чего ему надо?

Когда Гарамов подошел ближе и остановился почти у самого самолета, штурман, посмотрев на лейтенанта, прошептал:

– Володя, или я сон вижу, или это капитан Гарамов.

Вика, сидя на алюминиевой скамейке, прислушивалась к тому, что происходило за самолетом. Сейчас она слышала только шум листвы, крики птиц и то нарастающий, то ослабевающий где-то внизу звук прибоя. Рокот волн, бамбуковая роща за иллюминатором, крики неизвестных птиц, особенно вот этот, непривычно громкий и редко радостный – «А-га!», потом тишина, и снова – «А-га!» – все это вместе соединялось в ней сейчас во что-то необычное и легкое. И это «легкое, необычное», то, что жило сейчас в ней от шума листвы, от «А-га!» и рокота моря, было для нее в эти минуты главным. Вика понимала, что рядом смерть, что трем из пяти раненых нужно срочно делать перевязки, а один – Ларионов – умирает, но все-таки она думала не об этом, не об опасности, не об ужасе смерти, а о капитане Гарамове. И когда истекли обусловленные им тридцать минут, заволновалась, постигла весь ужас случившегося.

* * *

Договорившись с Гарамовым и выйдя вместе с ним в коридор, Исидзима прежде всего проследил, как они вместе с Корневым спустятся по лестнице. Когда их шаги стихли, настороженно попытался понять – есть ли еще кто-то, кроме него, в коридоре. Но вокруг все было тихо. У открытых окон шевелились занавески, и он подумал: «Вряд ли кто-нибудь станет прятаться за ними». Беззвучно пройдя на носках по коридору, он пошевелил их на своем пути просто так, больше для очистки совести. Убедившись, что за занавесками никого нет, он прошел к небольшому холлу в центре коридора и застыл. Некоторое время он скользил взглядом по темным деревянным панно на внутренней стене, вглядываясь в инкрустированные розовым и белым перламутром рисунки. Он хорошо помнил свой тайник, но на всякий случай приказал себе сейчас еще раз тщательно пройти по рисункам. Бутон лилии, муравей, тигр и бабочка, две стрекозы. Тайник начинался от хвоста последней стрекозы. Еще раз взглянув вдоль коридора, он легким движением руки нажал на панель и открыл небольшую нишу. Достал плоскую коробочку из черного дерева, положил во внутренний карман фрака. Снова закрыл тайник. После этого он еще несколько секунд настороженно прислушивался. Все было тихо. Он посмотрел в окно и увидел Гарамова, идущего с небольшим свертком в руке к самолету. Подумал: даже если кто-то, допустим, из людей Цутаки и увидит сейчас Гарамова, у него вряд ли вызовет подозрение фигура официанта во фраке. Отсюда, из средних окон второго этажа, была видна только носовая часть самолета. Корпус и вход в самолет загораживала бамбуковая роща. Дождавшись, пока Гарамов скроется за стволами, он спустился вниз. Центральный холл был пуст. В кресле, в неловкой позе, прислонившись щекой к спинке, спал новый швейцар – Масу. Взглянув на него, Исидзима подумал, что Масу, может быть, притворяется, и потому постоял некоторое время, изучая молодое узкогубое лицо спящего швейцара. Если только Масу все время находился здесь, как ему и положено – в кресле у главного входа, – он не мог видеть ни Корнева, ни Гарамова. Смешно, подумал Исидзима. Этот человек Цутаки, наверняка сейчас напряженно прислушивающийся к тому, как над ним стоят, как раз и есть одна из его надежд в схватке с майором. Пусть Масу спит или делает вид, что спит, – это не имеет сейчас никакого значения. Неслышно повернувшись, Исидзима снова вернулся на второй этаж и остановился у номера генерала Исида. Постучал, услышав тихий вопрос: «Кто там?», так же тихо сказал: «Это я, Исидзима». Дверь открыл мощный, широкогрудый Кадоваки Рэйдзи; склонившись, он пропустил его и закрыл дверь. Напарником Кадоваки в этой смене, считавшейся самой тяжелой, Исидзима назначил одного из лучших охранников, тощего и жилистого Бунчикова. И вот сейчас этот бывший офицер с черными усами, мрачно свисающими над сильно выступающей нижней челюстью, стоял у окна и выглядел застигнутым врасплох: кажется, он что-то высматривал там и обернулся, лишь когда Исидзима вошел.

– Что нового? – тихо спросил директор отеля, как бы призывая тем самым охранников генерала говорить так же, как и он.

Кадоваки склонился в поклоне:

– Ничего, шеф.

– Исидо-сан спит?

– Не знаю. Бунчиков что-то слышал, но я не ручаюсь.

Исидзима повернулся к Бунчикову:

– Что скажете?

– Мне показалось, генерал подходил к окну.

– Когда?

– Примерно час назад. Когда прилетел самолет.

Исидзима подошел к двери, ведущей в комнату генерала. Приложил ухо. За дверью было тихо. Это означало, что генерал не спит, иначе он услышал бы ставшее уже привычным для него сопенье или легкий храп. Он выпрямился.

– Это наш самолет, господа. Прошу вас повысить бдительность. Не исключено, что мы улетим на нем вместе с его превосходительством.

Кадоваки и Бунчиков поклонились. Он сделал им знак, постучал в дверь. Услышал шаги.

– Кадоваки? – спросил генерал.

– Ваше превосходительство, извините за беспокойство. Это я, Исидзима.

Створки двери приоткрылись. Исидо был в халате, надетом поверх пижамы. По лицу генерала угадывалось, что он давно проснулся.

– Еще раз извините, ваше превосходительство, что осмелился побеспокоить.

Генерал кивнул. Пропустил его, закрыл дверь, прошел к окну. Исидзима ждал, остановившись в двух шагах.

– Что ж вы молчите, Исидзима? Этот самолет – наш?

Лицо генерала напоминало сейчас морду льва с плоским приподнятым носом и отвислыми щеками. Исидзима догадался, что Исидо отлично понимает, почему люди Цутаки убили вчера генерала Отимию. Война кончается, и бригадный генерал Отимия Хэндзабуро, будучи пленен союзниками, мог бы рассказать многое об опытах над военнопленными в отряде номер 731, когда там совершенствовали бактериологическое оружие. Но Исидо понимает отлично и то, что Цутаки может заняться и им, генералом Исидо Такэо, – из-за агентурной сети, которая хранится не только в списках, но и в его голове. Может быть, Исидо знает и еще одно: что это вопрос даже не дней, а часов.

– Ваше превосходительство, я мечтал бы сказать, что самолет, стоящий у отеля, наш. Мечтал бы.

Он замолчал, изображая лицом и позой высшую степень замешательства. Не нужно сейчас, сразу же выкладывать генералу свой план. Надо сначала довести Исидо до высшей точки, помучить, чтобы старый лис был готов на все, и только потом открыть истинное.

– Что значат эти ваши слова, Исидзима?

«Ничего не отвечай ему, выдержи, промолчи», – пронеслось в голове Исидзимы.

– Я спрашиваю, что это значит? – взвизгнул Исидо. В его голосе слышались нетерпение и страх.

Исидзима подошел к генералу вплотную. Сказал тихо:

– Это самолет – наш. И в то же время он не наш. Но он будет наш.

– Я не понимаю вас, Исидзима. Что значат эти слова?

– Ваше превосходительство, извините меня. Но я хочу сказать правду. Война кончилась.

От этих слов плечи генерала обреченно опустились, он отвернулся, некоторое время смотрел в окно. Оно выходило к роще, и отсюда самолета не было видно, а это означало, что

Исидо не видел не только самой посадки, но и того, как Гарамов в три прыжка проскочил в заросли бамбука.

– Ну и что? – выдавил генерал.

– Ваше превосходительство... – Исидзима опять изобразил замешательство.

– Исидзима? Вы говорите это так, будто боитесь, что нас кто-то услышит.

Исидзима молча поклонился.

– Вы хотите мне напомнить о кодексе? Я должен выпустить кишки? – боязливо и в то же время брезгливо произнес генерал.

– Как можно, ваше превосходительство. Я знаю, что вы ученик «Омото-кё» и верите в мир Мироку. Но я в самом деле боюсь, что нас кто-то услышит.

Исидо старательно изучал рисунок у себя на рукаве; его губы при этом сделали движение, будто он собирался что-то сказать, и застыли.

– Ваше превосходительство, вы знаете, кем мы будем для союзников сразу по окончании войны?

Исидо усмехнулся. Тут же его губы сложились в жесткую складку, и он сказал беззвучно:

– Знаю. Что, вы видите выход?

– Вижу.

Генерал некоторое время изучал лицо Исидзимы.

– Интересно.

– Ваше превосходительство. Сейчас, когда все рушится, я готов довериться вам. Готовы ли вы довериться мне?

Генерал неопределенно покачал головой. Отвернулся.

– Ваше превосходительство! Я покорнейше жду.

– Зачем вы все это спрашиваете? Ведь сейчас хозяин вы, а не я.

Он созрел. Исидзима склонился:

– Ваше превосходительство!.. – Исидзима молча достал из кармана черную коробочку, протянул генералу. Исидо покосился:

– Что это?

– Извините, ваше превосходительство. Извольте взглянуть.

Помедлив, генерал взял коробочку. Пристально посмотрел на Исидзиму. Открыл. Сверкнули бриллианты. Коробочка была наполнена ими до краев.

Генерал некоторое время разглядывал драгоценности. Резко выдохнул воздух.

– Я знал, что вы когда-то много заработали в «Хокуман-отеле».

– Да, ваше превосходительство. И все это я обратил в камни.

– Исидзима. Это же целое состояние, десятки состояний. Зачем вы мне показываете?

Лицо генерала мучительно сморщилось. Да, подумал Исидзима, он сейчас действительно страдает. Деньги делают все.

– Я хочу довериться вам, ваше превосходительство. При условии, что вы доверитесь мне.

Генерал осторожно, будто боясь расплескать драгоценную жидкость, закрыл коробочку. Протянул ее Исидзиму.

– Довериться? А зачем, собственно говоря, я вам нужен? Зачем?

– Ваше превосходительство. И для вас, и для меня доверие – это единственный шанс.

– Но зачем вам нужно доверие? Разве не проще выдать меня Цутаки? И поделиться вашими богатствами с ним?

Исидзима взял коробочку из рук генерала. Усмехнулся:

– Цутаки обречен, ваше превосходительство. Через несколько дней после подписания капитуляции он будет объявлен одним из наиболее важных военных преступников. И при поимке расстрелян.

– А мы с вами? Разве нет?

– Мы с вами тоже. Но мы с вами сейчас в лучшем положении, чем Цутаки.

Генерал долго рассматривал что-то в окне, прежде чем ответить.

– Исидзима. К вашим словам я отношусь скептически, мне кажется, что вы слишком умны, чтобы подавать напрасные надежды.

– Спасибо, ваше превосходительство. В ответ на это я хочу задать вам вопрос.

– Пожалуйста, Исидзима.

– Вы знаете, сколько японцев живет в Латинской Америке?

Генерал пожал плечами:

– Исидзима, не обольщайтесь. До Латинской Америки несколько тысяч километров. Даже с полной заправкой мы не долетим туда.

– И все-таки, ваше превосходительство?

– Точных данных у меня нет. Но примерно около восьми тысяч.

– Совершенно верно, ваше превосходительство. Столько же японцев живет в нейтральных странах. И многие из этих людей, я уверен, готовы работать на вас. Простите, что я лезу не в свое дело. Но я ведь не мальчик и знаю: пока, до полной капитуляции, вы остаетесь их полновластным хозяином. Достаточно вашего слова, и каждый из внедренных обеспечит нас всем, чем вы прикажете. Всем, ваше превосходительство. Документами, прикрытием, если надо – проездом в любую точку земного шара. Соединив эти возможности с моими средствами – а если вы примете мое предложение, то с нашими средствами, – мы окажемся практически все-сильны.

Оба некоторое время стояли молча.

– Спасибо, Исидзима. Не переоценивая обстановку, скажу: вы действительно открываете для меня некоторые перспективы.

– Об этом я думал уже давно. Но после того как Цутаки блокировал отель, я просто не знал, как нам с вами выбраться отсюда. Вчера, после смерти Отимии, я был просто в ужасе. И вот появился самолет. Это тот единственный шанс, который нельзя упускать. Шанс, в прямом смысле слова посланный нам с неба. Самолет американской системы, без опознавательных знаков. Не учтенный реестром императорских ВВС. Практически – чей бы он ни был, мы можем считать, что это наш с вами личный самолет. Попав на него, заправив его до отказа горючим и поднявшись в воздух, мы сможем потом выбрать любой маршрут. Вы понимаете, ваше превосходительство? Приземлиться в любой местности в нейтральной стране. Или в не оккупированном пока районе. Лишь бы там не было войск противника и можно было сравнительно легко добраться до одного из ваших резидентов.

Исидо показал рукой на кресло. Исидзима осторожно сел. Мягко приложил руку к груди:

– Вы согласны со мной, ваше превосходительство?

Генерал покачал головой:

– Что это за самолет, Исидзима?

– «Дуглас», но экипаж русский. Он летел к своим из Лубэя, был ночью обстрелян, сбился с курса. Оставшись без горючего, совершил вынужденную посадку. На самолете находится тринадцать человек. Пять раненых, пять членов экипажа, врач, медсестра и офицер сопровождения.

– Откуда вам все это известно?

– Звук самолета вы, наверное, слышали. В половине четвертого, когда самолет сел, я уже ждал его в роще. Вышедшего на разведку офицера мне удалось оглушить, связать и притащить в свой номер. Естественно, я изучил находящиеся при нем документы, среди которых был и список людей в самолете. И когда он очнулся, я предложил ему сделку. Мои условия: мы заправляем их горючим и помогаем исправить все повреждения. Они же за это берут на борт вас, меня и четырех наших людей. Затем, как сказал ему я, они высаживают нас в указанной нами точке, а сами летят дальше, куда им нужно. Думаю, что и меня, и вас устраивал

бы такой вариант. Но может быть и другой. Более совершенный и удобный. Если появится благоприятная возможность – а она наверняка появится, – выбрав удобный момент, мы уничтожим русских и уже без них спокойно летим туда, куда нам вздумается. Для этого нужно только одно: предусмотрительно вызвать сюда опытного пилота из резерва разведки, одеть его в форму официанта и включить в число людей, которые сядут в самолет. Что скажете, ваше превосходительство?

Смуглое лицо генерала застыло, скулы напряглись, глаза стали стеклянными. Исидзима отвернулся, делая вид, что смотрит в окно. Наконец Исидо вздохнул.

– Где сейчас этот русский?

– Вполне возможно, ваше превосходительство, что здесь в отеле или около него еще со вчерашнего дня прячется кто-то из людей Цутаки. Я не говорю уже о том, что один из них – Масу – просто зачислен в штат. Так вот, если эти люди есть, они должны думать, что самолет прибыл по вашему приказу. Иначе они примут свои меры. Чтобы никто ничего не заподозрил, я предложил русскому пока, до взлета, надеть форму официанта. Для всех он – вновь принятый мною на работу семеновец. С той же целью я послал с ним платье для русской медсестры, такое же, как у штатных девушек отеля.

– Вы думаете, что если Цутаки решит, будто самолет прибыл по моему приказу, то он ничего не предпримет?

– Пока он разберется в ситуации и поймет что к чему, я обойду его.

– Отлично, Исидзима. Отлично, молодец. Говорите, что им нужно?

– Нам нужно, – осторожно поправил Исидзима.

– Вы правы, Исидзима, нам. Грязная сволочь этот Цутаки. С каким удовольствием я расстрелял бы его собственными руками. Возьмите бумагу и запишите все, что нам нужно. Нам с вами, вдвоем. Все до последнего винтика.

Исидзима достал блокнот.

– Прежде всего нужен бензин, ваше превосходительство. Затем рация. Приборы. Инструменты.

– Пишите все сами, я полностью вам доверяю. Сразу же после составления списка вы свяжете меня с дежурным второго отдела в Дайрене. Я дам категорическое указание срочно, вне всякой очереди, доставить сюда все, что будет указано.

– На оперативной машине. Хорошей оперативной машине, из гаража контрразведки.

– Естественно, на какой же еще. Вы говорите, что нам нужен еще и пилот?

– Не просто пилот, ваше превосходительство, а очень опытный, преданный лично вам. Чтобы он мог длительное время вести самолет в ночных условиях по одним только позывным, без штурмана, без радиста, так как взять на борт целый экипаж мы не можем. Русские могут легко догадаться.

– Понимаю. Вы хорошо знаете летный состав в Дайрене? Я имею в виду резерв контрразведки.

Исидзима попытался вспомнить, кого же он знает. Всплыли две-три фамилии.

– Боюсь, что сейчас многое изменилось, ваше превосходительство. Я знаю только начальника летного резерва полковника Сакагами.

– Сакагами не подходит. Стар. Но я знал там пилота, которому доверил бы любой самолет.

– Слушаю, ваше превосходительство.

– Бывший инструктор императорской школы ВВС, пилот первого класса майор Тамура. Вы, случаем, не знаете его?

Исидзима Тамуру знал хорошо. Пожалуй, это самый опытный пилот из резерва контрразведки. Но что дальше? Он попытался представить: мог ли Тамура за это время быть завербован Цутаки?

– Я целиком доверяю вашему превосходительству выбор пилота. Единственное... – Он замолчал, изображая покорность.

– Я слушаю, – сказал Исидо.

Исидзима поклонился.

– У вас есть какие-то сомнения? Исидзима?

– Единственное, что я хотел бы нижайше напомнить вашему превосходительству...

– Исидзима, не тяните!

– Отдавая приказание второму отделу, следует помнить, что этот самолет ваш. Он вызван сюда вами для известных только вам целей. Пусть аппарат разведки в Дайрене не знает об этом.

– Вы боитесь, что о самолете пронюхает Цутаки?

– Да, ваше превосходительство. Боюсь, что обойти Цутаки будет для нас самым трудным. – Исидзима взял телефонную трубку: – Разрешите?

– Да.

Пока Исидзима соединялся с Дайреном, Исидо придвинул к себе блокнот и стал разглядывать список.

По ВЧ соединили быстро. Услышав отзыв дежурного по второму отделу, Исидзима передал трубку генералу. Исидо говорил негромко и спокойно:

– Это дежурный по второму отделу? С вами говорит генерал Исидо. Да, это я. С кем я говорю? Лейтенант Мидзуна? Вот что, лейтенант, во-первых, проснитесь, а во-вторых, мне необходимо срочно поговорить с полковником Катаямой. Ничего, что спит. Разбудите. Да. Хорошо, я подожду. Ничего. Я же сказал – подожду.

Некоторое время Исидо сидел молча.

– Катаяма? Доброе утро. Будьте любезны, немедленно приготовьте для меня оперативную машину. Да. Проследите, чтобы она не была гробом на колесах. Иначе я строго взыщу с вас. Я понимаю, Катаяма, не объясняйте мне... Вот это уже другое дело. Свяжитесь с полковником Окадзаки и затребуйте у него бензозаправщик с авиационным бензином, бортовую рацию, полный набор авиационных приборов для самолета типа «Дуглас». Далее, грузовую машину с передвижной спецмастерской. Запишите также комплект из пяти рабочих комбинезонов для производства ремонтных работ. Когда мне нужно? Сейчас же, черт возьми. В эту секунду. Нет, Катаяма, я отнюдь не преувеличиваю. Хорошо... По-моему, вы разучились разговаривать. Даю вам час на сборы и полчаса на дорогу. Что не реально? Хорошо. Три часа, надеюсь, вам хватит? И последнее. Летчик майор Тамура все еще в нашем резерве? Отлично. Вместе с этой машиной командируйте его в мое распоряжение. Конечно, и сухой паек, летный, офицерский, двойной комплект. Что-что? Обоснование? Это нужно для самолета, который вызван по моему приказу и стоит сейчас у «Хокуман-отеля». Все. – Исидо положил трубку.

Некоторое время он смотрел в окно. Сказал:

– Вы довольны, Исидзима?

– Пока все идеально, ваше превосходительство.

– Сейчас около пяти. Прежде чем Катаяма раскачается, выбьет бензин, достанет оборудование и все это погрузит, думаю, пройдет часа четыре.

– Пять. Необходимо еще время на дорогу.

– Хорошо, пять. Значит, машины будут здесь часам к десяти – одиннадцати утра. Что-нибудь еще, Исидзима?

– Ваше превосходительство. Если вам не трудно, выпишите мне доверенность на прием груза и людей. Вы же знаете, хоть это и формальность, но, когда дело касается второго отдела, она необходима.

Генерал открыл ящик стола, достал блокнот. Исидзима знал этот блокнот – каждый его лист был снабжен личным вензелем начальника третьей канцелярии штаба армии бригадного

генерала. Исидо написал доверенность, поставил число. Размашисто подписался, протянул листок Исидзиму. Сказал, глядя куда-то мимо:

– Печать нужна?

Исидзима склонился в поклоне, подождал, пока чернила просохнут, сложил листок вчетверо, спрятал в карман.

– Что вы, ваше превосходительство, ваша подпись – это все.

– Еще что-то?

Исидзима поклонился:

– Все, Исидо-сан. Я думаю, пока вам нужно оставить все заботы и отдохнуть. К десяти я прикажу подать завтрак в номер. К этому времени уже придет машина.

Исидо закрыл глаза. Сделал полный вдох. Потянувшись, поправил рукава халата.

– Вы правы, Исидзима. Вздремнуть не помешает.

– Приятного сна, ваше превосходительство.

Цутаки сидел в кресле у распахнутого окна и смотрел на море. Он только что искупался. На его плече еще даже не высохла соленая капля. Затем перевел взгляд на одну из лучших набережных Дайрена. Солнце еще не встало, и улицы были пустыми. Август – лучший месяц сезона, и Цутаки Дзиннай каждый день выходит из дому в одних плавках и идет по холодноватым еще камням к морю. Вода у набережной Умэ холодная, и после купания вся его кожа покрывается пупырышками. Но он доволен. Не надевая махровый халат, лежащий на последней из ведущих к морю ступенек, Цутаки просто подхватывает его и идет к своей резиденции. Дом и весь участок огорожен высоким каменным забором. Наверху, на втором этаже, радиостанция и комнаты его людей, внизу – дежурная часть, его собственная комната, склад оружия и дешифровочная. Направо и налево от дома тянутся в обе стороны уже чуть припыленные опадающими листьями набережные Дайрена с буковыми, тисовыми, олеандровыми рощами, купальнями, уличными закуточными, дансингами, ресторанами, беседками для игры в го. Всему этому осталось доживать последние дни, он это знает наверняка. Но он спокоен. Это его главная черта, переданная ему родителями. Именно постоянное спокойствие, введенное в абсолют, и делает его всегда хозяином положения. Хозяином жизни. Тем более сейчас ему беспокоиться нечего: у него есть задание. Задание его императора – ликвидация всех документов, в которых могут содержаться важные секретные или компрометирующие Японию данные. В случае необходимости он должен и обязан ликвидировать также и всех людей, связанных с подобными документами. Да, он точно знает, что через несколько дней сюда войдут русские. Знает, что потом они передадут этот город Китаю. Конечно, самого города, такого, какой он есть сейчас, не станет, а с ним, с Цутаки Дзиннаем, ничего не случится. Он всегда останется таким – всемогущим, сильным, не боящимся смерти, останется сыном великого народа, который никогда не будет побежден. А разве может быть высшее счастье, чем выполнить трудное и ответственное задание такого народа?

Думая об этом, Цутаки и не заметил, что солнце уже поднялось. Посмотрел на часы: скоро должен вернуться Тасиро, которого он с утра послал к ювелирам. Надо одеться. Цутаки встал, подошел к шкафу. Выбрал одежду обычного дайренского курортника: светло-серую рубашку с отложным воротником и короткими рукавами, кремовые хлопчатобумажные брюки, белые носки, туфли. Оглядел себя в зеркало и остался доволен. Нет, отнюдь не считал себя красивым. Он знал свои недостатки, знал, что с точки зрения тех, кого он презирал, он «некрасив» – в нем нет ни слащавости, ни того, что вырожденцы называют «тонкостью». Лицо его выглядит костистым и немного квадратным. Это ему, уроженцу Киото, знак, что в его здоровом теле живет дух предков, не оставляя малейшего признака вырожденческой анемии. Это подчеркивают и чуть нависшие над глазами густые брови, и легко намеченная ямочка на подбородке.

Цутаки вспомнил еще и о том, что, может быть, сегодня ему придется убрать генерала Исидо, которого он уважал. Недовольно поморщился. Он хотел бы придумать для Исидо почетную смерть или же убрать его так, как убрал генерала Отимию: мгновенно, без мучений. И тоже добьется, чтобы тело генерала было похоронено на родине с почестями.

Глядя в зеркало, Цутаки вдруг резко выдохнул воздух. Оскалился, изображая несколько гримас. Расчесал и пригладил волосы. Достал из ящика в шкафу и спрятал в специально вшитые внутренние карманы брюк пистолет, проверенный семизарядный браунинг и нож. Вернулся к столу и, медленно прожевывая, съел кусочек заботливо принесенной утром Тасиро Тансу суси. В дверь постучали.

– Да. – Цутаки повернулся.

– Разрешите, господин майор? – Дежурный лейтенант Итикава вытянулся и отдал честь.

– Слушаю вас.

– Господин майор. Только что сообщили из второго отдела: ночью туда звонил генерал Исидо. Он разговаривал с полковником Катаямой, просил прислать двойную заправку высокооктанового бензина, приборы для самолета типа «Дуглас» и пилота.

– Бензина и пилота? Как это понять? Что там у него, самолет?

– Так точно, господин майор. Генерал Исидо сообщил полковнику, что сейчас у «Хокуман-отеля» стоит самолет, вызванный туда по его личному приказу.

Цутаки поморщился, пытаясь понять, что все это значит.

– По его личному приказу? – еще раз переспросил он.

– Так точно, господин майор.

– Почему же вы все это сообщили мне так поздно?

– Раньше не было возможности, господин майор. Запись разговора вели два наших человека: дежурный по второму отделу лейтенант Мидзуна, который успел незаметно застенографировать только то, что говорил Катаяма, и дежурный телефонного узла, слышавший весь разговор. Но их сразу не отпустили – Мидзуну задержал сам Катаяма, видимо, умышленно, а телефонисту запретил отлучаться начальник смены. Однако наши люди не сидели сложа руки. В рацию, которая послана в «Хокуман-отель», незаметно вмонтировано самопеленгующее устройство. Вот текст разговора. – Итикава положил листок на стол.

Цутаки подтянул бумажку к себе, пробежал наспех. Дочитав до слов «...и пилота первого класса майора Тамуру», спросил:

– Вы не поинтересовались – майор Тамура знает о самопеленгующем устройстве?

– Цутаки-сан, майор Тамура включен в нашу группу.

– Я спрашиваю – знает или нет?

– Знает, господин майор.

– Машина с требуемым уже вышла?

– Так точно, вышла. Пятнадцать минут назад.

– Хорошо, лейтенант, спасибо. Задержать ее мы все равно не успеем. У меня к вам просьба: позвоните в диспетчерскую службу ВВС, запросите все наши аэродромы и попытайтесь выяснить, с какого из них был выслан этот самолет. Затем, как только вернется господин Тасиро, сразу пришлите его ко мне.

– Слушаюсь, господин майор. – Итикава вышел.

Подождав, пока шаги лейтенанта в коридоре стихнут и хлопнет дверь в дежурку, Цутаки еще раз медленно прочитал бумажку. Сложно, но это ему нравится. Для такого утра, для его настроения, а главное – для свежей головы этот текст довольно интересная загадка. Даже цепь загадок. Загадок или нелепостей? Нелепость первая: что это за самолет, который вызван по личному приказу генерала Исидо и стоит теперь у отеля? Хорошо, можно допустить, что Исидо вызвал самолет, пронюхав о вчерашней участии генерала Отимии и смертельно испугавшись. Но зачем ему опытный пилот? Ведь на этом самолете и так хорошо обученный экипаж, которому

ничего не стоит посадить машину на неподготовленную площадку! И зачем двойная заправка горючего? Приборы? Рация? Ладно, Цутаки готов сделать предположение, что Исидо решил лететь куда-то далеко, поэтому и берет с собой двойной запас горючего, приборы и радиостанцию. Можно также предположить, что в пути самолет был кем-то обстрелян, поэтому Исидо и вызвал ремонтника с газовой горелкой. Но даже при всем этом остается совершенно непонятный факт: зачем вызван лучший пилот резерва майор Тамура? Один, без экипажа? Да-а! Справиться с Исидо будет не так просто. Впрочем, может быть, это даже хорошо.

Цутаки подошел к окну и стал рассматривать двор, обнаженных по пояс солдат спецкоманды, делающих в углу зарядку. За приседающими и встающими солдатами виднелись заросли акации, а еще дальше, у берега, лениво набегала на каменные ступени волна. Добежала, ткнулась в ступени – и рассыпалась. Ну что ж. Кажется, сейчас сам собой сложился идеальный способ ликвидировать генерала Исидо. Вызов Тамуры его не волнует. Тамура с самого начала боевых действий советских войск работает на него, как и все летчики резерва, хотя номинально они и подчинены начальнику третьей канцелярии. К тому же самопеленгатор, незаметно вмонтированный в рацию. С ним генерал Исидо далеко не улетит. Важно другое: начальник третьей канцелярии решил забыть свой долг и бежать – значит, он тем самым сам подписал себе приговор. Что ж, это еще лучше. Сейчас он позволит генералу Исидо оборудовать свой самолет и взлететь, а пока что для проверки и выяснения обстоятельств можно будет послать к «Хокуман-отелю» Тасиро.

Выйдя из номера генерала Исидо, Исидзима прежде всего вернулся к тайнику. Тщательно осмотревшись, открыл нишу, особым образом нажав точку сначала у первого, а потом у второго крыла нижней стрекозы. Положил в тайник черную коробку и закрыл. Оглядев гладкую стену, спустился вниз, на первый этаж. Зашел в дежурку для официантов. За окнами уже светлело. Вдали над морем стоял резко обрисованный зеленью горизонта красный солнечный диск. В дежурке за занавеской на диванах лежали не раздеваясь подсменные: Корнев и Вацудзи. Корнев лежал на спине с открытыми глазами. Увидев Исидзиму, он сел, замотав головой. Вацудзи еле слышно похрапывал на соседнем диване, Корнев кашлянул, резко толкнул напарника в плечо. Вацудзи открыл глаза, потянулся, сел. Сказал, моргая:

– Простите, шеф.

– Ничего, Вацудзи. Мне очень жаль, но спать всем нам уже не придется. Надеюсь, господа, мы с вами отыграемся потом. Во-первых, не исключено, что к вечеру мы улетим на этом самолете. Во-вторых, прошу запомнить – оплата за сегодняшний день будет начислена в размере месячного заработка.

Вацудзи улыбнулся:

– Приятные новости. Что делать? Опять охрана?

– Вы завтракали, Вацудзи?

– Еще нет, шеф.

– Позавтракайте. Плотнo позавтракайте. Вы хорошо знаете развилку? Не ближнюю, а дальнюю, в трех километрах отсюда?

– Знаю как свои пять пальцев.

– Будете нести там дежурство. Вы еще не разучились ездить на велосипеде?

– Шеф...

– Тогда отправляйтесь сразу же, как только позавтракаете. Часа через четыре из Дайрена к нам должна проследовать оперативная машина второго отдела. Машину вызвал генерал Исидо. Пусть она вас не беспокоит. Эта машина везет горючее для прибывшего по вызову его превосходительства самолета. А вот если вы увидите, что из Дайрена сюда попробуют каким-то образом незаметно проникнуть люди Цутаки, – пропустите их.

– Ясно, шеф!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.